

*«Нажать на курок»
Серия Мотоклуб 'Призрачные всадники'»
Алекса Райли*

*Автор перевода – Олеся Левина
Обложка – Наталия Айс
Оформление – Наталия Павлова*

Аннотация.

Я всегда считала, что все, что мне нужно: мой пистолет, мотоцикл и мои братья. Большинство женщин не стремятся к такой жизни, как у меня, но после всего, что я видела и сделала, не думаю, что захочу хоть когда-то чего-то большего.

Мотоклуб «Призрачные Всадники» – моя семья, и я отдам свою жизнь за них. Я сделаю все, чтобы защитить их, даже от себя.

Один взгляд на него и все, что я усиленно скрывала, вырвалось на свободу. Должность агента ФБР давала ему силу перевернуть мой мир с ног на голову, и он сделал это так, как я никогда бы не предугадала.

Что случится, когда агент ФБР станет больше одержим тобой, чем собственным делом? Опустит ли ты свою защиту? Или нажмешь на курок?

Предупреждение: В этой книге присутствуют непокорная героиня, и герой, который борется за то, что принадлежит ему.

Глава 1. Кас.

Мой палец сгибается на спусковом крючке, готовый произвести выстрел. Я понимаю, что всего лишь вопрос времени, когда это произойдет, поэтому я готова. През не видел выражения лиц некоторых из них до своего приезда, но я видела. «Пятерка Тузов» вне себя, и это заметно. Я видела ярость и ненависть через прицел, пока не приехали мои братья.

Сместив свою позицию, я проверяю ветер и убеждаюсь, что смогу их легко снять, если все выйдет из-под контроля. Не существует цели, которую я не смогу поразить, и я не планирую это менять. Я – одна из девяти женщин, которые служили снайперами в ВВС, но мы не просто группа военных. Я маленькая и передвигаюсь незаметно, и не помешает уточнить, что я – одна из лучших известных на планете стрелков. Я очень часто сотрудничала с Морскими пехотинцами, и именно так я встретила мужчин, которых защищаю сегодня.

Я знаю, что никто не увидит меня на крыше этого здания, пока я не захочу этого, но мои братья знают, что я здесь, и только это имеет значение. Я всегда прикрываю их спины, когда они нуждаются во мне, и я занимаюсь этим давно, еще до вступления в клуб. Мы выбрали это место для встречи, потому что я сказала Презу, что оно – идеально. Западная граница Канзас–Сити всегда была заброшенной, после захода солнца. Большинство складов здесь пустовали годами. Я смотрю на некогда пустырь передо мной, который теперь заполонили четыре моих брата, и пятеро из «Пятерки Тузов». Они может и считают, что в преимуществе, но я могу снять троих из них быстрее, чем они поймут, что произошло.

Мне не сложно просидеть здесь всю ночь. Меня этому тренировали. Я могу ждать часами. Я ждала в песке под палящим солнцем, в грязи под проливным дождем, в чертовой Амазонке, даже не подозревая, что ползло по моей долбаной ноге.

Я убивала, когда служила в ВВС. Черт, я убивала и после того, как ушла оттуда, но я не убивала в клубе. Все, что должен сделать През, – дать мне знак, и дело сделано. В мгновение ока. В ВВС я никогда не знала лично своих жертв. Вы не должны смешивать личное с работой, и держать свои эмоции в узде, потому что тебе платят за это. Я получала приказ, убирала плохих парней, но теперь все по-другому. Я рискую в этой игре, поэтому, когда приходит время завершить работу, это не из-за оплаты. Прямо как, когда я убивала на местности, и одним куском дерьма в мире становилось меньше, я не чувствую разницы по отношению к «Пятерке Тузов». Убрав нескольких из них, я не лишусь сна, но блин, трупы – вот из-за чего мы оказываемся в куче дерьма. План на сегодня: по возможности только калечить, а не разворачивать полномасштабную войну между клубами.

Они украли часть нашего оружия с полигона, которым мы с Презом владеем вместе: полигоном управляю я. Эти украденные пушки находятся под моей ответственностью, и так случилось, что одну из них обнаружили на месте двойного убийства. Мне плевать, что говорит През, это – моя вина. Они вскрыли полигон посреди ночи, в обход нашей охраны. Может быть «в обход» не совсем правильное слово, они пробили долбаную дыру с одной стороны чертова здания.

За эти стволы отвечаю я, как начальник по безопасности «Призрачных Всадников», и хочу их вернуть. «Тузы» уничтожили часть того, во что я вложила до последней копейки, когда ушла из ВВС. Полигон – мое детище. Я заявила о пропаже, но это не помешало копам добраться до наших задниц, обвиняя в убийстве. Мы придерживаемся политики «не суй свой нос, куда не надо», но у копов, кажется, постоянный стояк на нас. На моих руках есть кровь, но кровь, о которой они спрашивают сейчас – не моя.

Я хочу вернуть остальную часть пушек, не говоря о той, которая станет моей погибелью. Мы знаем, что это были «Пятерка Тузов». Они приходили в поисках оружия несколько недель назад, но През отказался продавать им. Мы связались с «Повелителями Смерти», и те проинформировали нас, что «Пятерка Тузов» предпочитает работать с «88 Прихвостнями». Это клуб, который не играет по правилам и не проявляет уважение к остальным клубам. Они, да будет вам известно, недовольны нашим гостеприимством, и будут получать то, что хотят. Мы дали им понять, что они могут идти на хрен.

Когда все пошло не так, През снова обратился к ним, делая вид, что передумал. Они согласились на встречу, но мне кажется, что они сделали это только, чтобы изобразить интерес к оружию, тому оружию, которое, я знаю, у них есть.

И вот сейчас я лежу здесь, наблюдая за встречами братьев из «Призрачных Всадников» и спектаклем «Пятерки Тузов». Я поднялась сюда только на случай, если все пойдет наперекосяк, но

у меня уже руки чешутся выстрелить. Поведя плечами, я пытаюсь скинуть немного напряжения из своего тела. Мне не хватает долбанных наушников, которые были у меня в ВВС, и жалею, что у меня нет «ушей» на земле. Теперь я могу полагаться только на инстинкты, и могу сказать, что обстановка начинает накаляться. Я не вижу реакции своих братьев, поскольку они стоят спиной ко мне, но все «Тузы» – лицом ко мне, и они становятся напряженными. Навожу винтовку на их ВицеПреза и жду.

Мой мир сужается, и я концентрируюсь. Чувствую ветерок на своей коже, который сообщает мне о том, как он повлияет на мой выстрел. Дыхание замедляется, я жду. Я готова.

А затем он делает это. ВицеПрез «Туз» тянется к своей пушке, но он опоздал. Я уже сделала выстрел, который поразит его в правое плечо. Пуля уничтожит шаровидный сустав, и ни один хирург в мире не сможет правильно его собрать. Он никогда больше не сможет полноценно использовать свою правую руку. Желаю удачно пользоваться теперь моими пушками, козлины.

Все подскакивают, и мой През вскидывает руку вверх, заорав при этом. Уверена, он говорит им оставаться на месте, или я начну укладывать их одного за другим. Один из «тузов» дергается к своему ВицеПрезу, и я сжимаю курок. Пуля рассекает воздух и бьет по бетону у его ног. Куски камня разлетаются в стороны, и он секунду раздумывает над следующим шагом.

– Не двигайся, пока я не скажу, – шепчу себе под нос.

През указывает на ВицеПреза «Пятерки Тузов», требуя их уйти. Когда они наконец-то убираются, я чувствую, как вибрирует телефон напротив моей задницы. Тянусь назад и достаю его из кармана.

– Да.

– Кас, уноси свою задницу отсюда. Уверен, сюда скоро заявятся копы, если кто-то слышал выстрелы. Не приезжай в клуб, – и звонок отрубается.

Сползая на живот, я разбираю свою винтовку и убираю ее обратно в кейс. Я не приезжаю на мотоцикле, когда беру с собой винтовку. Быстро прокладываю путь к своему грузовику и растираю грудь, когда забираюсь внутрь. Худшая часть лежки на земле – это давление, оказываемое на мою грудь. Большинство женщин мечтают об огромных сиськах, а я, с другой стороны, нахожу их помехой.

Пихнув винтовку под сидение грузовика, я завожу двигатель и уезжаю, сворачивая на первое же шоссе, какое могу. Еще по-прежнему рано, и адреналин курсирует по моим венам. Единственное, что всегда исправляет это. Секс. А его не было уже очень давно.

Собрав свои волосы в хвост, я позволяю черным прядкам свободно упасть на мои плечи. Я бы с удовольствием вернулась в клуб и послушала бы о том, что говорили на земле, но През сказал не лезть. Похоже, остается только секс.

Откинувшись на спинку стула, я закидываю свои ноги, обутые в ботинки, на стол. Еще только ранний вечер, и в баре всего парочка человек. Тот же бар, в который я обычно хожу, когда ищу быстрого и легкого секса. И не только потому, что этот бар рядом с моим небольшим домиком на две спальни, здесь к тому же дешевый отель по соседству.

Этот бар – мое личное место, чтобы развеяться, вдали от своих братьев. Иногда я хожу с ними в бар вниз по улице около клуба, но никогда, когда ищу член для себя. Это место – мое. Место, где никто не знает, кто я. Я могу сидеть, откинувшись на спинку стула, наслаждаться парочкой бутылок пива и если повезет, стать свидетелем нескольких драк в баре.

И это намного лучше, чем возвращаться к себе одной со всем тем адреналином, который гудит в моем теле. Уверена, что через несколько часов мои братья отправятся в наш обычный бар, Denim & Diaminds, но иногда я чувствую себя не в своей тарелке, когда пытаюсь кого-то снять там.

Они все зовут меня Каспером, не-очень-дружелюбным приведением. Они называли меня так еще до того, как я вступила в клуб. Им нравится рассказывать, как я выскакиваю из ниоткуда, и полагаю, кличка просто прилипла ко мне. У Преза и большинства братьев не возникло проблем с моим вступлением в клуб несколько лет назад. Мы знакомы еще с наших дней на службе, и я знаю, что я предана им до крайности. Я спасала их жизни бесчисленное количество раз. Тогда, когда они даже не подозревали о моем присутствии, пока ночной воздух не оживал от звуков моих пуль. Но для некоторых братьев стало проблематичным мое полноценное членство в клубе. Единственная женщина, которая вступила в «Призрачных Всадников». Ничего нового для меня. С этим я сталкивалась всю свою жизнь, поэтому сейчас я просто отмахиваюсь от этого. Мне нет

никакого дела, что вы не хотите видеть меня здесь. Я буду здесь и никуда не уйду, пока През не отдаст мне приказ, или я не окажусь на глубине шести метров под землей. Клуб – единственная настоящая семья, которая у меня есть.

Я несколько лет провела, доказывая себе, и в первую очередь своему отцу, а потом и своей стране, что надорву задницу, но стану снайпером, а потом и когда впервые присоединилась к «Призрачным Всадникам». Теперь же мне просто плевать на это с высокой башни. Я знаю, что лучшая в своем деле. И это знает През. Именно поэтому когда резко все пошло наперекосяк, после моей отставки со службы, и у меня по-прежнему была свежая кровь на ладонях, он сказал мне собираться и вести свою задницу в Канзас–Сити, что у него есть место для меня. И я была там уже на следующий день.

Официантка со стуком ставит бутылку пива на деревянный стол рядом с моим сапогом, даже не принимая у меня заказа. Она разворачивается и направляется обратно к стойке, не произнеся ни слова. Потянувшись за своим пивом, я замечаю, как в двери входит мужчина. Его взгляд моментально цепляется за меня, как будто он знал, что я буду сидеть именно здесь.

Парень выглядит полнейшим засранцем, но я никогда не видела его здесь раньше, это уж точно. Ублюдок великолепен. Он – тот, кого любая женщина еще не скоро сможет забыть. Его черные, как смоль, волосы коротко подстрижены, но достаточной длины, чтобы ухватиться за них, если потребуется. Черты его лица резко очерчены и немного грубоваты. Он выглядит так, будто пытается создать образ парня в деловом костюме, но глубоко в душе он парень в футболке и грязных джинсах. На его носу горбинка, будто он был сломан раз или два, но это добавляет сексуальности его внешности, а не отталкивает. Его рот сложен в мрачном, но чувственном, оскале с ровными белыми зубами и клыками, чуть длиннее передних. Это заставляет меня подумать, что он любит кусаться, и соски покалывает от этой мысли. Он красив, если вам нравится подобное.

Но больше всего в нем выделяются глаза. Они такого же оттенка серого металла, как прицел моей Mini Necate .338 Lapua Mag – одной из моих самых любимых винтовок. Я не часто ей балуюсь, потому что контузия от этого оружия такая сильная, что всего после нескольких выстрелов начинают болеть мои уши. Интересно, этот мужчина тоже вызовет боль в моих ушах, после проведенной ночи с ним, когда он будет выкрикивать мое имя.

Его взгляд скользит по мне, как будто он видит насквозь через мои плотные джинсы и черную майку. Его оценка дерзкая и смелая, он смотрит так, будто я принадлежу ему. Сама эта мысль заставляет мою киску сжаться. Определенно прошло слишком много времени, когда я заводилась только от одного взгляда.

Оторвав свой взгляд от него, я делаю большой глоток пива. Меня не удивляет, что мгновение спустя он останавливается рядом с моим столиком.

– Могу я купить тебе выпить? – спрашивает он.

Снова наклоняю свою бутылку и делаю еще один большой глоток, показывая, что моя – все еще на половину полная. Мне не выпивка от него нужна и компания за этим столиком тоже.

– Тогда чего покрепче, – предлагает он. – Вся ночь впереди.

– Тебе не обязательно покупать всю выпивку, чтобы затащить меня в постель, – произношу я, скидывая свой ботинок со стола, и подталкиваю им стул рядом с собой, как приглашение присесть.

– И ты думаешь, я за этим пришел? – спрашивает он, опускаясь на стул. Его взгляд опускается на мою грудь и медленно поднимается к лицу. Он наглый засранец и даже не пытается этого скрыть. Надеюсь, для меня у него есть на это причина.

Наклонившись вперед, я предоставляю ему лучший обзор на свой вырез. Одновременно с тем, что с ними хреново во время стрельбы, в них так же есть преимущество.

– Хочешь сказать, что пришел в эту крысиную нору не для поиска легкодоступной киски?

– Именно поэтому ты здесь? – его голос снижается, как будто только эта мысль его беспокоит или еще что. Разве мы здесь не для одного и того же? Или он просто не любит нахальных женщин. Если дело в этом, ему нужно подняться со стула и освободить место для кого-то другого.

Подхватываю пиво, выпиваю залпом и начинаю подниматься.

– Забудь, – отвечаю, намереваясь уйти к бару. Если он ищет цыпочку, которая будет разыгрывать из себя невинность, то ему стоит уйти в какое-нибудь другое место. Возможно, Дин, один из постоянных барменов, работает сегодня. Он хоть в половину нормальный в постели, не задает вопросов и покидает гостиничный номер, как только мы заканчиваем.

Новичок перехватывает мое запястье, останавливая мой уход. Пытаюсь вырвать руку из его захвата, но он держит меня крепко. Он расслабляет хватку, когда я перестаю пытаться вырваться, его большой палец выписывает круги в медленной, чувственной манере. Сейчас я могу освободить свое запястье, но знаю, это будет бесполезным. Сила никогда не была моей лучшей стороной. Я быстрая, бесшумная и всегда на два шага впереди своего оппонента. Это единственный способ действовать, когда на твоей стороне нет грубой силы.

– Я не играю в твои игры, – отвечаю я, взволнованная тем, что мне нравятся его ленивая ласка. Я могу представить, как он делает это с моим клитором. Он наверняка, чувствует, как ускоряется мой пульс, когда я думаю об этом.

– Никаких игр, – произносит он, поднимаясь на ноги, и уводит меня в конец бара. Его сильная хватка ведет меня к дальнему коридору. Он проверяет ручку каждой двери, которые мы проходим, пытаюсь найти незапертую. Когда последняя дверь открывается, он заталкивает меня внутрь. Он вдавливая мою спину в закрытую дверь, его крепкое, мускулистое тело вжимается в меня. Я начинаю сопротивляться, но меня обрывают, когда его губы накрывают мои.

Его настойчивая эрекция жестко ощущается на моем животе. Его язык проталкивается в мой рот. Он обхватывает оба моих запястья и сцепляет их одной своей рукой, прижимая над моей головой. Он удерживает меня напротив двери одной рукой и своим телом, но я могу вырваться, если на самом деле захочу этого.

Я должна остановить его, но его властность, опьяняющая и сильно отличается от того, что я обычно получаю. Внезапное влечение, что я к нему испытываю, странное. Нежеланное. Он толкается языком в мой рот, двигает бедрами вперед и назад, втираясь своей эрекцией в меня. Отстранившись, будто ему не хватает воздуха, он отрывает свой рот от меня.

– Я хотел попробовать тебя с того момента, как впервые увидел.

Мои глаза широко распахиваются от его слов. Его пристальный взгляд удерживает меня в заложниках.

– Похоже, тебе не пришлось слишком долго ждать, да? – отвечаю я, но странное выражение пересекает его лицо. Быстро, я даже не уверена, что это было. – И к сведению, я не целуюсь в губы. Так что если хочешь попробовать меня, то должен сделать это как-то по-другому, – добавляю я, коварно улыбаясь. – Назовем это проверкой. Заставишь меня кончить своим ртом, и я позволю тебе увести себя в соседнюю гостиницу. Если ничего не выйдет, тогда я вернусь обратно в бар и найду того, кто сможет.

Глава 2. Винсент.

– Проверка? – чувствую, как на губах растягивается дерзкая ухмылка. – Как насчет того, что мы сделаем это немного интереснее? Тот отель – крысиная нора. Скажем так, если я заставлю тебя кончить больше одного раза, ты уедешь сегодня ко мне домой. Когда я погружусь между твоих бедер, я хочу постель и запертую дверь, где никто не сможет увидеть тебя, распростертой подо мной.

Она смеется мне в лицо, но я вижу, что ей нравится это испытание.

– Прости, но домой к незнакомцам я не хожу. Соседний отель или кабина моего грузовика. Выбирай.

Ничего не отвечаю. Просто продолжаю смотреть на нее сверху–вниз. Ее ясные, голубые глаза привязаны к моим. Я доминант по природе, и контроль – то, в чем я нуждаюсь. И поддаваться ее требованиям я не собираюсь, и не думаю, что добьюсь от нее того, что хочу, если так сделаю. Я чувствую ее эмоциональную борьбу за «выигрыш» в этой схватке, но продолжаю молчать и даю ей обдумать свой следующий шаг. Она нарушает тишину.

– Ты сексуален, но не думаю, что доставишь мне наслаждение. Большинство сексуальных парней ленивы потому, что полагаются только на свою внешность. Мне приходится делать всю работу, чтобы добиться того, что хочу, так что я принимаю этот спор.

Если парни ленились с ней, тогда они полные безумцы. Мысль о том, что она кончает от моих пальцев, рта и члена – самое сексуальное, что я мог себе представить. Это настолько сексуально: представлять, как эта решительная женщина выкрикивает мое имя, потому что я доставляю ей неконтролируемое удовольствие. Я бы вылизывал ее киску до тех пор, пока она не смогла бы шевелиться и осталась бы в моей постели.

Я наклоняюсь, чтобы снова поцеловать ее в губы, но замираю до контакта. Не смотря на ее правило никаких–поцелуев–в–губы, ее голова запрокидывается назад, чтобы принять поцелуй, ее тело прижимается к моему. Не важно, что говорит ей ее разум, ее тело наслаждается представлением.

Я смотрю в ее светло–голубые глаза и вспоминаю первый раз, когда увидел ее. Это было неделю назад, когда ее файл приземлился на мой стол. Я раскрыл папку, и там была она. Единственная.

Большинство людей скажут, что я сошел с ума. К счастью для меня же, мне похрен на то, что большинство людей считают. Я родился в большой итальянской семье, где у каждого было мнение насчет того, как ты должен прожить свою жизнь, но своего отца я уважаю больше всего. В тот день, когда я увидел ее снимок, этот ледяной взгляд, которым она смотрела на меня в ответ, я пропал. Я встал из–за стола и пошел навестить отца. Мой отец все понимает. Он увидел мою мать впервые, когда ему было десять, и понял, что проведет остаток своей жизни с ней. Ни за что бы ни подумал, что молния может ударить дважды в одну и ту же семью, но в тот день, я пропал. Она – моя, только еще не знает об этом.

Когда отец обнял меня и сказал, что все будет в порядке, я вернулся на работу, чтобы выяснить, каким образом этот маленький меткий стрелок причастна к краже оружия.

Я хотел стать полицейским с детства, поэтому служба в ФБР стала воплотившейся мечтой. Я отдал службе десять лет и надрывал задницу, чтобы добиться того места, где я сейчас. Это не легкий путь, но именно тот, какой я хочу. Поэтому новость о том, что моя девочка замешана в краже оружия, стала для меня ударом под дых.

Я подключился к этому делу, потому что работаю в отделе по особо тяжким преступлениям и кражам в особо крупных размерах в ФБР Канзас–Сити. Федералы любят все, что связано с кражей оружия, и я возглавляю этот отдел. Все в подобных масштабах проходит через меня, и когда я увидел ее снимок, то понял, что лично должен вести это дело.

Один из пистолетов был найден на месте двойного убийства, и из того, что наше исследование обнаружили – он когда–то принадлежал Макензи Страйт. Ее файл длинный, перечисляет все ее личные достижения в ВВС и впоследствии ее снайперские навыки в других военных направлениях. В нем были хвalebные страницы ее службе своей стране, поэтому я был озадачен тем, как она попала во все это. Поначалу это все казалось какой–то ошибкой, но чем больше я капал, тем больше открывалось. Оказывается Макензи разыскивается в Техасе для допроса в деле об убийстве, так что она не только связана с украденным оружием, но и еще может быть причастна к убийству.

В тот день, когда я получил ее дело и навесил отца, я покинул его дом и прокатился мимо ее дома. Ну, я собирался только прокатиться, но когда оказался на месте, я решил припарковаться ненадолго. Я хотел увидеть ее, даже если мельком, а потом уехать. По крайней мере, так я говорил сам себе.

Солнце только садилось, когда я припарковался на пустое место между деревьями как раз напротив ее дома. К счастью, мне пришлось прождать около пяти часов до ее приезда, поэтому к тому времени, когда она вернулась домой, было полностью темно.

Я услышал ее до того, как увидел, рокот ее мотоцикла сообщил о ее прибытии. И пока я наблюдал, как она заезжала на подъездную дорожку, я сполз на своем сидении, чтобы она не заметила меня. Когда я услышал, что байк затих, я немного приподнялся и проследил за тем, как она слезла с него. Я следил за тем, как она стояла там и встряхивала своими волосами. У меня встало только от такого вот нахождения рядом с ней, и я начала растирать переднюю часть своих брюк. Я никогда не заморачивался переодеваниями после работы, поэтому все еще был в своем стандартном рабочем костюме. Я потянулся и ослабил галстук, открывая доступ к кислороду в мое тело. Мне внезапно показалось, что я задыхаюсь.

Я видел, как она обернулась и посмотрела в мою сторону, как будто почувствовала меня, но я знал, что полностью скрыт. Спустя минуту колебания, она развернулась и вошла в дом. Я был слишком возбужден и слишком взволнован. Мне нужно было что-то с этим сделать. Я продолжал тереть перед своих штанов, но понимал, что мне нужно большее для хоть какого-то облегчения.

Мне нужно было увидеть ее еще хоть раз, только на секунду, а потом я смогу уйти. Я проверил свою машину, убедился, что никого не было поблизости, и бесшумно вышел, прокладывая свой путь к ее дому. Я заметил, как зажегся свет в тот момент, как я обошел дом, и я нырнул вниз, под подоконник. Я старался контролировать свое дыхание, но сердце сбивалось в груди. Я понятия не имел, что делал здесь. Просто знал, что должен. Отклонившись немного, я заглянул в окно. Мое дыхание просто остановилось, когда я осознал, что это ее спальня. Она сидела на краю кровати, расшнуровывая свои черные, военные ботинки, и когда я освободил свой член, я даже не задумывался о том, что творил. Совершенно внезапно мой член оказался в моей руке.

Когда она встала, меня накрыла минутная паника, но затем любые волнения оставили мою голову, когда она расстегнула свои обтягивающие джинсы и начала снимать их со своих ног. Они были, как вторая кожа на ней, поэтому ей пришлось покрутить бедрами, чтобы спустить их с них. Я передергивал свой член и пытался так сильно, что запотело стекло. Я убрал руку и плюнул на нее для лучшего скольжения, и когда вернул свое внимание обратно, она полностью согнулась, пытаясь снять джинсы со своих ступней. Ее трусики-шортики открывали вид на ее пышную попку и дразнящий намек на ее киску. Когда я вернул свою скользкую ладонь на член, не потребовалось больше трех взмахов, чтобы обкончить одну стену ее дома.

Я опустил взгляд, чтобы рассмотреть беспорядок, который устроил, и потом внезапно свет в ее спальне погас. Я запаниковал, запихнул свой все еще набухший член обратно в штаны и застегнул молнию. Когда я услышал звук телевизора, то решил, что она наверняка ушла в гостиную, чтобы передохнуть перед сном. Я снова бросил взгляд на стену ее дома, и заметил место, где приземлилась моя сперма. Я слегка улыбнулся, считая, что пометил свою территорию и оставил ее там.

– Спокойной ночи, Макензи, – прошептал я, и вернулся к машине.

Я занимался этим каждую ночь прошедшую неделю, до сегодняшнего дня, когда, наконец, получил возможность сделать свой шаг. Я сидел у нее на хвосте семь долбанных дней, и сегодня впервые она поехала куда-то, где я мог подойти к ней. Она постоянно находилась с кем-то из мотоклуба «Призрачные Всадники», а мне нужна была она одна для того, что я запланировал.

Глядя сейчас на нее сверху-вниз, я понимаю, что должен сделать, чтобы удержать ее. Ей просто нужно догнать меня до того места, где я уже находился.

Тянусь вниз и расстегиваю свой ремень.

– Полегче, здоровяк, я сказала только ртом.

Я улыбаюсь ей и вытягиваю свой ремень из брюк.

– Ты скажешь мне свое имя, или мне придется придумать, как тебя называть. Куколка? Сахарок? Печенька?

– Назовешь меня любым из этих имен, и я лишу тебя твоего любимого придатка к телу.

– Так значит, ты назовешь мне имя?

– Мак, – отвечает она, но могу сказать, что неохотно.

– Ты назовешь мне свое полное имя, или будет казаться, что я трахаюсь с мужиком, когда я буду выстанывать твоё имя?

Она выдавливает улыбку на мою шутку, и я замечаю, как она слегка смягчается.

– Макензи, но не распространяйся.

– Понял, Макензи, – она слегка улыбается, и могу сказать ей понравилось, как оно прозвучало. Могу поспорить, что я единственный, кому она позволила называть себя так. Замечательно. Я хочу, чтобы так оставалось только для меня. – Винсент. Но я буду откликаться на все, что вылетит из твоего ротика, – Боже, Господи, Еще, Умоляю, Жестче...на все, – произнес я и поднес ремень к ее запястьям. Улыбка сползает с ее лица, когда она понимает, что я собираюсь сделать.

– Какого хрена ты творишь? Я не говорила, что ты можешь связывать меня.

Только из-за моего везения здесь был крючок на двери, который висел достаточно низко, чтобы дотянулись ее запястья. Она невысокая, но высота крючка не заставит ее напрягаться совсем. Я обхватываю ремнем ее запястья, и она начинает слегка сопротивляться.

– Успокойся, Макензи, – шепчу я, и она немного успокаивается. Я подцепляю ее связанные запястья на крючок и позволяю ей увидеть, как много послаблений у нее есть. Она с легкостью может снять руки с крючка, и я оставил достаточно пространства в ремне, чтобы выскользнуть из него без какой-либо сложности. Она испытывает облегчение, которое не может скрыть, и ее тело расслабляется. – Ты можешь сбежать от меня, когда захочешь. Но смысл заключается в том, что я хочу твои руки здесь, и хочу, чтобы они продолжали там находиться, потому что я так сказал. И не потому, что ты не можешь сбежать, а потому что хочешь выполнять то, что я сказал.

Я вижу, как пульс на ее шее ускоряется из-за моих слов, а дыхание становится чаще. Наверняка, у нее никогда не было того, кто бы доминировал так над ней, и я уверен, что если спросить ее напрямую, она пошлет вас на хер. Но прямо сейчас, со мной, она наслаждается этим.

– Справишься с этим?

– Ты используешь этот рот для чего-то еще, кроме как нести чушь?

Я лукаво улыбаюсь ей. Блять, ее комментарий только усилил мой стояк. Я снова наклоняюсь к ее губам.

– Удерживай свои руки там, где я их оставил, и получай удовольствие.

Я обхватываю ее лицо ладонями и сминаю ее губы своими снова. Она говорила «никаких поцелуев в губы», но ее рот тает под моим, и чувствую, как ее язык ищет входа. Этот поцелуй клеймит, ставит знак обладания, дает ей понять в этот момент, что она в моей власти. Я подарю ей то, чего она хочет, и вылизываю в ответ. Собственно ее рот клеймит и мой. Как будто я принадлежу ей. И это правда.

Ярываю поцелуй и отстраняюсь назад, рассматривая ее покрасневшее лицо. Ее руки по-прежнему на месте, над головой, а я тянусь вниз, чтобы расстегнуть свои джинсы.

Ее глаза увеличиваются от шока, но я продолжаю и расстегиваю молнию. Забираюсь рукой в боксеры и вытягиваю свой толстый, длинный член на свободу и несколько раз поглаживаю его. Ее взгляд приклеен к моей ладони и члену, и я вижу, как она сжимает свои бедра, пытаясь уменьшить давление.

– Не волнуйся, я буду использовать только свой рот. Просто этому парню захотелось немного свежего воздуха.

Она пошло улыбается и прислоняется всем телом к двери.

– Большой член соответствует твоему самонению. При этом, я все еще полностью одета.

Я коротко смеюсь и опускаюсь на колени перед ней.

– Ты можешь называть все это болтовней, если хочешь. Но мы оба знаем, что эта маленькая киска вся истекает, – я поднимаю взгляд как раз вовремя, чтобы заметить, как румянец расползается по ее щекам, и она не отвечает на мои слова, потому что мы оба знаем – это правда.

– Давай посмотрим, как сильно ей понравился мой член, – произношу я и расстегиваю ее джинсы. Они сидят на коже так же плотно, как и те, что были на ней в первую ночь, когда я стоял за ее окном. Когда я расстегиваю молнию на них, хватаю белье и джинсы вместе и стягиваю их достаточно для того, чтобы обнажить ее киску. Я чувствую, как Макензи потряхивает от предвкушения, и я знаю, что она думает, что я продолжу. Ее джинсы настолько обтягивающие, что пояс блокирует ее бедра, и она не может развести ноги. Это будет издевательством над нами обоими, и я не могу этого дождаться.

Я вижу, что ее сладость покрывает губки, подаюсь вперед и прижимаюсь носом к ее щелке. Я чувствую влагу на своем лице, когда вдыхаю ее запах, и быстро пьянею. Она пахнет, как сладкая

киска и дом – все смешанное вместе. Я чувствую, как подпрыгивает вверх и вниз кончик моего члена, как щенок, требующий внимания. Смазка скатывается по головке члена только от ее запаха. – Боже ты мой, ты вкусно пахнешь.

– Господи, – выдыхает она и толкается бедрами вперед

Я перехватываю ее и крепко удерживаю, опуская свой язык на ее щелку. Первый ее вкус такой сладкий, когда попадает на мои губы. Она, как персики, вымоченные в виски, и я мгновенно подсаживаюсь.

Я вылизываю и целую ее киску, будто это ее рот. Она напрягается, чтобы развести свои ноги хоть на миллиметр шире, но я держу ее крепко и занимаюсь своим делом. Она так заведена. Ее соки покрывают мой язык и рот. Я хочу большего. Я хочу, чтобы они стекали по моему горлу, пока я не напьюсь ей. Она близка к оргазму, и я чувствую это, но хочу убедиться, что она со мной сейчас.

Отстранившись, я поднимаю на нее глаза и вижу, что она близка к истерике. Колебание на грани оргазма доводит ее до беспамятства, и вот тогда, я делаю свой шаг.

– Больше одного оргазма и ты моя на сегодняшнюю ночь. Так, Макензи?

Она согласно кивает головой, но этого не достаточно.

– Скажи это, Макензи. Скажи словами. Ты кончаешь больше одного раза и принадлежишь мне.

Она глубоко вдыхает, но удерживает свой взгляд на мне.

– Сделай это и получишь меня на всю ночь. В своей постели.

Власть, которую она только что отдала, – все, что мне нужно. Я тянусь вверх, подцепляю ее джинсы и белье и сдергиваю их до лодыжек.

– Возьмись за ремень, – стону я, и когда она выполняет это, я поднимаю ее ноги и ныряю головой между ее коленей. Ее киска прямо напротив моего лица, а связанные лодыжки – за моей головой. Я впираюсь в ее бедра достаточно сильно, чтобы остались синяки, и прижимаю рот к ее киске. Я втягиваю ее клитор в свой рот, и она кончает в течение нескольких секунд. Все мучения довели ее, и она кричит от оргазма в пустом помещении.

Когда она возвращается со своей вершины, я притягиваю ее обратно и вставляю два пальца в ее киску. Я начинаю быстро работать над ее точкой G, потому что не хочу давать ей передышку. Она такая узкая и горячая. Я возвращаю свой рот обратно на ее клитор и стону вокруг нее, утягивая ее во второй оргазм.

Я чувствую, как она сжимается вокруг моих пальцев, и улыбаюсь. Я знаю, что заполучил ее на сегодня, но я хочу, чтобы первый раз, когда она встретилась со мной, запечатлелся в ее памяти, как первый раз, когда я увидел ее.

Смазав свой мизинец в ее сладости, я скольжу им к ее попе и проникаю в ее крошечное колечко, одновременно разрабатывая пальцами точку G. Она вскрикивает от удивления, но громко стонет, когда я работаю над ней в три пальца.

– Я говорил тебе получать удовольствие, Макензи. Ты собираешься испытывать мое лицо или нет? Поднимаю взгляд и вижу, как закрываются ее глаза от моих грязных слов. Я возбуждаю ее, и ей это нравится. Прикладываюсь губами обратно к ее клитору, и она начинает двигать своими бедрами напротив меня. Она толкается в мое лицо и жестко его объезжает, пока я ласкаю пальцами ее дырочки. Я хочу, чтобы она чувствовал меня повсюду. Не занимает много времени, когда она сжимает одновременно свою киску и попку, и ее накрывает третий, а потом и четвертый оргазмы.

Когда ее дыхание возвращается к нормальному, я чувствую, как ее тело начинает терять свою силу. Я снимаю ее ноги и помогаю удержать равновесие, прежде чем возвращаюсь к своему члену, чтобы запихнуть его обратно в штаны. Я вижу, как она разглядывает меня и вопросительно приподнимает бровь.

– Не обращай внимания на беспорядок на полу, когда будешь выходить, – шучу я, и она опускает взгляд, чтобы увидеть лужицу моей спермы у ее ботинок. Я кончил, когда ее накрыл второй оргазм. Но я не уделял своему члену никакого внимания. Все было сосредоточено на Макензи, так что ее оргазм привел и мой. Не плохой компромисс. Мне плевать, что я кончил как похотливый подросток. С чего это мне должно быть стыдно, когда моя женщина настолько офигенно-сексуальная, что заставляет меня кончать только от вкуса ее киски.

Я помогаю ей вернуть ее белье и джинсы обратно на место, а затем она выжидающе смотрит на меня. Я чувствую, как моя грудь почти выпячивается от того, какое выражение осталось на ее лице. Блять, я даже не гордился так, когда стал агентом. Только это одно дает мне понять, что она создана для меня.

Она все еще не опустила свои руки, и тот факт, что она все еще ждет моего разрешения, творит что-то невероятное в моей груди.

– Хорошая девочка, – шепчу я, и тянусь вверх, снимая ремень и помогая ей опустить руки. Она не отвечает на мой комментарий, но я снова вижу вспыхивающий румянец на ее щеках.

Когда я вставляю свой ремень на место, я замечаю, что она смотрит куда угодно, но только не на меня. Не хочу, чтобы она сожалела о согласии поехать ко мне домой, но это уже случилось.

Я снова прижимаю ее к двери своим телом и обхватываю ее лицо двумя руками.

– Скажу тебе вот что. Ты поедешь ко мне сегодня и позволишь довести тебя до оргазма еще больше. Нам не обязательно трахаться, но я хочу тебя в своей постели. Можешь позвонить и сообщить кому хочешь, где ты будешь, чтобы они знали, что ты в безопасности, но клянусь всем сердцем, я не причиню тебе боли.

Глава 3. Кас.

У меня и раньше были мужчины, которые смотрели на меня с похотью в глазах, но что-то во взгляде Винсента было иным. Его серый взгляд был частично мягким, практически умоляющим. И от того же мужчины, который только что вынудил меня пообещать, что я разрешу ему поиметь себя, это, казалось, чуть ли не смешным. Я пообещала ему ночь, но, похоже, что одной он не удовлетвориться. Это должно заставить меня рвануть к двери, но что-то есть в этом мужчине. Как взгляд человека мог быть умоляющим и одновременно, как у хищника, отслеживающего свою добычу?

Его большой палец гладит меня по щеке, а глаза следят за моими. Это заходит дальше, чем мне хочется. Я просто хочу быстрого секса, но что-то подсказывает мне, что как только Винсент вцепится в меня, я не смогу освободиться. Он вызывает во мне те чувства, которые я не должна испытывать. Это все очень скоропалительно и быстро. Я предпочитаю держаться на расстоянии от всего этого, но он не позволяет мне, с того момента как перехватил мое запястье.

Все мои чувства еще находятся в состоянии повышенной готовности, после мощных оргазмов, которые просто взорвали мой мир. Я слышу его глубокое дыхание и ощущаю влажность, из-за которой мои трусики липнут к киске.

Мне нужна секунда, чтобы собраться с мыслями.

– Сегодня? – спрашиваю я, растягивая время. Винсент смещается, потираясь своим членом об меня. Своим довольно впечатляющим членом, который, всего несколько мгновений назад, кончил только от поедания моей киски. Ну, возможно, он себя тоже поглаживал. Каждый оргазм, казалось, наступал так быстро и часто, что я потеряла суть всего, кроме моего клитора в его рту. Поерзав напротив него, мне становится неуютно от осознания, что прошло полгода с того момента, как у меня был секс. Я думаю о его члене и его размере, и от этого моя киска сжимается. Его рот кривится в полуулыбке, открывая идеальные, белые зубы.

– Я пугаю тебя?

– Немного? – шепчу я, позволяя словам вырваться изо рта до того, как смогу затолкнуть их обратно. Кажется, подобное становится нормой рядом с ним, и это еще одна причина, почему мне стоит бежать от него.

– Очень плохо, Макензи, потому что теперь я не отступлюсь от тебя. Я говорил, что ты станешь моей, если я заставлю тебя кончить, и я сделал это. Несколько раз, на самом-то деле.

Он сощурился на меня, от чего становится труднее дышать. Никогда в жизни я так не реагировала на мужчину. Мышца подрагивает на его челюсти, и я впервые замечаю щетину, покрывающую ее. Я могла и не заметить ее, но легкое жжение на внутренней стороне моих бедер дает мне понять, что она была там все время. Не сомневаюсь, что он один из тех мужчин, кто бреется дважды до обеда.

– Я притворялась, но если хочешь снова пообнимать меня внизу и попробовать снова, то я в игре, – возражаю, пытаюсь нарушить напряжение в помещении. Его пронзительный, серый взгляд наводит меня на мысль, что он видит меня насквозь.

– Я буду более, чем счастлив сделать это снова... всю ночь напролет, если ты позволишь мне, – склонившись, он облизывает стык моих губ, давая распробовать саму себя. – Но в следующий раз я хочу тебя на спине в моей постели. Такой был уговор.

Ты можешь сделать это, Мак. Ты всегда оставалась спокойной и на два шага впереди. Езжай с ним домой, позволь ему оттрахать себя до потери сознания, а затем исчезни из его постели до наступления утра. Если он может трахаться хоть в половину так же хорошо, как лижет киску, тогда потерянная возможность вернуться в этот бар будет стоить того. Я никогда больше не увижу его после этой ночи. Ни за что он не сможет найти меня только по имени. Мне не придется показывать свои шрамы. Я никогда не делаю этого, когда приезжаю сюда. Мужчин, похоже, пугает это, и никто не хочет трахаться с телочкой, которую они наполовину боятся.

Облизав губы, так что мой язык касается его собственных, я улавливаю его быстрый вдох и ощущаю, как его член дергается напротив меня. Моя киска увлажняется еще больше от его ответной реакции на меня. Понимаю, насколько сильно завожу его, раз он настойчиво хочет увезти меня к себе и поедать мою киску всю ночь, и стану чокнутой на всю голову, если откажусь от подобного.

– Окей. Как насчет того, что я оплачу свой счет, а ты пока уберешь за собой беспорядок? – произношу я, одновременно толкая его в грудь. Он даже на сантиметр не сдвигается, просто

изучает меня. Он, похоже, читает людей лучше, чем я. Его взгляд просчитывает, и я понимаю, что он думает, я могу сбежать. Он вправе сомневаться, потому что эта мысль все еще сидит глубоко в моем подсознании.

– Поверь, я буду ждать тебя. Ты сказал, что будешь вылизывать мою киску целую ночь.

Его телефон начинает звонить, но он по-прежнему не двигается. Он, действительно, не хочет отпускать меня. Склонившись, я оставляю быстрый поцелуй на его губах, чтобы показать, что я серьезна.

– Ответь на звонок, и встретимся на входе.

– Не вынуждай меня гоняться за тобой.

– Поверь, если я захочу сбежать, в погоне не будет нужды. Я просто исчезну. Но как уже говорила, я хочу того, что ты предложил.

Вытащив телефон из кармана, он бросает взгляд на экран.

– Буду через минуту.

И до того, как я успеваю ответить, его телефон уже у уха, и женский голос разрывает линию.

Не в восторге от ревности, которая простреливает мое тело, я быстро ретируюсь за дверь, направляясь к стойке бара. Я оплачиваю счет и иду на выход из бара, но до того как я достигаю дверей, в них входят двое мужчин. У меня ухает в желудке из-за нашивок на их кожанках. «Пятерка Тузов». Я не узнаю ни одного из них с сегодняшней встречи. Что за долбанная удача. Из всех чертовых баров в этом городе, им было обязательно заявиться в мой или, может быть, именно поэтому они здесь. Но проблема в том, что у меня нет с собой пушки, а они всего лишь в нескольких метрах от меня.

Единственный раз, когда я ненавижу тот факт, что являюсь женщиной, – когда дело касается физического противостояния. Один хороший удар, и я в отключке. Именно поэтому никому не позволяю приближаться. Так же быстро, как нарастает мой страх, он сменяется злостью. У меня нет причин бояться этих баранов. Я в людном месте, и даже «Пятерка Тузов» не настолько глупа.

Впиваюсь в них взглядом, когда они оба внезапно замедляются, давая мне понять, что узнали меня. Сто процентов они пришли сюда за мной. Наверное, довольно быстро разлетелась весть, что их ВицеПрез поймал пулю в плечо, и похоже, не много времени ушло на поиски того, кто туда ее отправил.

– Думаю, это о многом говорит, когда они не позволяют одной сучке пойти с ними на вечеринку клуба. Ей пришлось искать захудалое место, чтобы потусить в одиночестве, – протягивает один из них со светлыми волосами, подходя на шаг ближе ко мне. Он останавливается на расстоянии вытянутой руки, и такое близкое нахождение рядом с одним из них доводит меня до предела.

– Убирайтесь из моего бара, ублюдки.

Его губы поднимаются в ухмылке, заставляя вскипеть мою кровь. Эти говнюки ворвались на мой полигон, украли мое оружие, и имели наглость заявиться в мой бар и оскорблять. К черту, разбить это симпатичное личико, возможно, будет стоить нескольких ударов по мне. Он в любом случае слишком красив для своего же блага.

Замахнувшись рукой, я врезаю ему прямо в нос. Его голова отлетает назад, вынуждая его отступить на пару шагов назад.

– Я же сказала, убирайтесь из моего бара, – произношу спокойно, проверяя палец, чтобы убедиться, что не повредила его. Мне только не хватает сломанного пальца на курке.

– Маленькая шлюха, – огрызается он, кривя свои губы. Кровь вытекает из его носа, а все его лицо краснеет – он, вероятно, унижен, что какая-то «шлюха» только что сломала его нос. Он начинает наступать на меня снова, но его напарник хватается за руку, резко останавливая движения.

– Нет. Мы в общественном месте, а у нее есть чертова киска. Не здесь, – говорит ему напарник.

– Я буду более, чем счастлива надрать ваши задницы прямо здесь, – заманиваю ласково, позволяя своей злости взять верх над собой. Чего эти мужики не знают, что часть из того, что они украли у меня, могло отправить меня обратно в Техас к инъекции в руку.

– Тупая шлюха, ты даже не знаешь с кем трахаешься. У тебя, наверняка, такая свободная киска, которую клуб любит пускать по кругу. Не сомневаюсь, что ты дала попробовать свою киску, чтобы попасть в клуб, да? – пытаюсь контролировать себя и не закатить глаза на его слова. Похоже, мужчины не могут придумать что-то получше, чем мои разведенные ноги.

– Кажется, ваш ВицеПрез уже попробовал меня сегодня. Может, и вы хотите по одной. Придумайте причину получше, как я попала в клуб.

Они оба шагают навстречу мне, но быстро останавливаются. Я была настолько сосредоточена на «Пятерке Тузов», что абсолютно забыла про Винсента. Его руки обнимают меня за талию,

притягивая вплотную к своей груди, удерживая в собственническом захвате. Только одно это говорит, что мы с ним более близки, чем есть на самом деле. Будто я принадлежу ему или какое-то подобное дерьмо. Он полностью затмевает меня своими размерами при этом выше Блондинчика и Напарника на несколько дюймов. Его выбор времени – идеален. Он может не захотеть увозить меня к себе, после того как слышал, что несли их рты, но зато я не получу удар по лицу.

– Какие-то проблемы? – рычит Винсент позади меня. Он крепко сцепляет вокруг меня руки, и я благодарна, что он не переставил меня за свою спину. Никто из них не произносит ни слова, просто изучают его несколько секунд, а затем снова встречаются своими взглядами со мной.

– Ты трахаешься с федералом, Каспер?

Чувствую, как тело Винсента каменеет позади меня. У меня занимает мгновение, чтобы понять, что сказал Блондинчик, но до того как я успеваю ответить, Винсент опережает меня.

– Убирайтесь нахрен отсюда, пока я не превратил ваш вечер в ад.

– Пошел ты, – огрызается блондин. – Повеселись с сучкой. Надеюсь, в конце ты не останешься с парочкой пуль в своем теле. Это ее почерк, но ты, наверное, уже знаешь об этом, так ведь?

Винсент продолжает держать меня сцепленными руками, но не отвечает.

– Теперь «Пятерка Тузов» стали кучкой стукачей? И вы поливаете грязью мой клуб за то, что у них в составе есть киска. Похоже, у вас, парни, есть по одной собственной.

– Пошла нахер, – выплевывает он мне. – Давай сваливать отсюда.

Оба мужчины направляются к дверям, и я чувствую, как протяжно выдыхаю.

– Отпусти меня, – бормочу я.

Винсент наклоняется, потираясь своими губами по моей шее.

– Это не то, о чем ты подумала, – бубнит он, оставляя нежный поцелуй за моим ухом. Он совершенно иной, после той грубости, которая в нем была, когда он связывал мои запястья ремнем.

– Отпусти. Меня, – произношу сквозь стиснутые зубы. Все ослепительно-опаляющее желание, которое я испытывала из-за него, испаряется в никуда. Ничто не убивает настроение лучше, чем мысли о проведенном остатке жизни в тюрьме. И именно это мог сделать со мной Винсент.

Я сбрасываю его руки со своей талии и оборачиваюсь к нему.

Мое сердце предательски екает от поверженного, несчастного выражения на его лице.

– Я здесь не как федерал, я...

Я останавливаю его слова поднятой рукой. Как мог мужчина, которого я знаю меньше часа, поднять во мне все эти чувства? Я хочу кричать и вопить ему в лицо. Я чувствую, что он только что забрал у меня что-то, чего я не хочу отдавать. Я не планировала пытаться удержать его, но осознание того, что не смогу, вызывает во мне желание врезать кому-нибудь снова. С моим везением, от этого он станет только привлекательнее.

– Имя, – произношу я, желая подтвердить свои страхи, когда «Пятерка Тузов» называли его федералом. Того, о ком говорил мне През несколько дней назад.

– Винсент Касано.

Закрываю глаза от боли, перед тем как открыть их снова, чтобы свирепо уставиться на него. Винсент Касано. Федерал, который разнохивал насчет пушек, тот же, кто расспрашивал обо мне. Тот же, из-за кого През говорил мне быть начеку.

– Ты, твою мать, пытался поиграться со мной?

– Нет! – рывкает он, делая шаг ко мне, синхронный моему шагу назад.

– Хочешь допросить меня, вызывай моего адвоката. Я рассказала все, что должна про оружие и все остальное... – я позволяю последней части повиснуть, задумываясь, правда ли это про Техас. Я знаю, что разыскиваюсь для допроса, но они не могут вернуть меня обратно без процесса экстрадиции. Кроме того, они никогда не отправляли никого, чтобы допросить меня лично. Только всего несколько вопросов по телефону, когда я так же давала им понять, чтобы больше мне не звонили, или я наберу своего адвоката.

– Клянусь, дело не в этом, я никогда не сделал бы ничего, что причинит тебе боль, – он говорит это с такой убежденностью, что я хочу поверить ему, но не могу. Я не должна злиться на него, потому что хочу сделать все для своих братьев, и возможно он сделает все для федералов. Я не могу злиться на такого рода преданность. По сути, я должна в какой-то степени уважать это, но не могу понять этого через всю свою злость.

– Держись, твою мать, подальше от меня. И мне плевать, почему ты здесь, – произношу я, разворачиваясь, чтобы покинуть бар. В моей голове сейчас только одна мысль. Моим братьям нужно знать о том, что произошло сегодня, и нужно узнать об этом прямо сейчас.

Рванув с парковки, я направляюсь в бар, где тусуется большинство членов моего клуба. Он находится в миле от полигона и клуба, расположенных на окраине Канзас–Сити, и это самое близкое место для парней, чтобы найти какую–нибудь свободную попку. В баре есть несколько небольших комнаток, и чем темнее становится ночь, тем больше пьяных девчонок желает снять свою одежду. През не позволяет «сладким попкам» находиться в клубе, поэтому здесь они все и тусуются. Все пошло наперекосяк, когда он встал у власти, и большинство проблем начались из–за случайных женщин в клубе. Он подавил это дерьмо в зародыше, поэтому только старухам¹ сейчас позволялось находиться в клубе. Если вы хотите по–быстрому перепихнуться, то спускаетесь вниз по дороге, или надеетесь, что одной из старух нравится быть общей. Для них это как ловля рыбы из бочки. Женщины знают, где «Призрачным Всадникам» нравится зависать, и стекаются все туда. И как бы сильно я не любила своих братьев, я предпочитаю не видеть, как они трахаются. И тем более никогда, блин, я не трахнусь ни с одним из них.

Припарковавшись перед баром, я не замечаю чоппера Презы у входа, поэтому объезжаю бар к черному ходу. Я вижу Пинча, нового проспекта², прислонившегося к стене бара с женщиной у его колен, которая сосет его член.

Остановившись, я опускаю стекло и свищу, чтобы привлечь его внимание.

– Каспер, – произносит он, все еще удерживая женщину, чтобы та продолжала сосать. Он вцепляется в ее волосы жестче, насаживая ее глубже на свой член.

– Видел сегодня Презу?

– Я, блять, не его надзиратель. Ты следишь за его задницей или что? Ты что его подстилка? – его слова треплют мои нервы хуже, чем это обычно бывает.

Несколько секунд спустя он кончает в рот женщины, раздражая меня еще больше, потому что он заводился от того, что по–хамски разговаривал со мной. Прошло много времени, с тех пор как я имела дело с чьим–то мнением насчет своего нахождения в клубе, но этот малец новенький, поэтому, возможно, он не умеет по–другому. Пришло время преподать ему урок или парочку об уважении.

Женщина поднимается с колен, стреляя в меня убийственным взглядом, как будто я хочу отобрать у нее этот кусок дерьма. Пинч что–то шепчет ей на ухо, прежде чем она убегает обратно в бар. Именно этого я и ждала.

Достав сигарету, которую поджигает, он прислоняется спиной к кирпичной стене бара.

– Нечего сказать, Каспер? Сейчас, когда весь клуб не стоит за тобой, чтобы заткнуть кого–то, видимо, ты не можешь так много трепать языком.

Он на сто процентов прав. Я не хочу вылезать из своего грузовика в поисках драки. Кто–то может назвать меня трусихой из–за этого, но мне глубоко насрать. Он так же прав в том, что если кто–то попытается применить ко мне физическую силу, мои братья дадут им по морде, потому что, будем честны, я не смогу победить. И меня не беспокоит то, что я позволяю им делать это за меня. Как и их не беспокоит отправлять меня на холмы, или на крышу зданий, чтобы заняться тем, в чем я хороша. У нас у всех есть свои способности, и мы пользуемся ими.

Потянувшись за пояс своих штанов, я вытягиваю свой девятимиллиметровый Smith & Wesson и нацеливаю прямо на Пинча. Боже, я обожаю закон Миссури о ношении оружия.

Единственный фонарь в конце парковки не дает мне лучший обзор, но мне он и не нужен с такого близкого расстояния.

Пинч выкидывает свои руки вверх, когда замечает мою пушку. Он немного медленно соображает, из чего я делаю вывод, что он принял больше парочки бутылок пива.

– Видишь, Пинч, ты ошибочно решил, что я не буду драться по–честному. Да, ты, наверняка, бы уложил меня в драке, в этом сомнений нет. Но мне кажется, тебе стоит кое–что уяснить. Они

¹ «Старуха» - в байкерской терминологии - девушка/женщина, которая стала женой члена клуба. Причем свадебная церемония может и не включать в себя официальную регистрацию брака.

² «Проспект» - кандидат в мотоклуб, который имеет право учувствовать в пробегах. На него ложатся любые задачи от полноправных участников байкерского клуба.

называют меня Каспером не просто так, ты никогда не догадаешься, когда я выйду на тебя и отстрелю твои долбаные яйца.

– Ты не... – до того, как он успевает закончить свое предложение, я стреляю в его промежность. Он сгибается пополам и сильно прикладывается об землю.

– Ну, черт. Разве это не классно? Эти резиновые пули даже отдачи не дают, – произношу я, наклоня свою пушку, чтобы заглянуть в дуло. – Жалко, что я могу только однократно его зарядить, – говорю я, и вкладываю еще одну.

– Блять, Кас. Умоляю, прости.

Я стреляю еще одной в его задницу, и он верещит, как сучка.

– Возвращайся домой, Пинч, – произношу я, когда он начинает стонать громче. Я – руководитель службы безопасности клуба, и тебе лучше научиться долбанному уважению, если надеешься увидеть нашивку.

Не дожидаясь ответа, я поднимаю окно и возвращаюсь в клуб. Эти чертовы, резиновые пули стоят по три бакса за штуку, но это лучшие шесть долларов, которые я потратила.

– Твою мать, Кас, я ненавижу, когда ты творишь подобное дерьмо, – выплевывает През из-за стола. Он так увлекся своим занятием, что не сразу заметил, как я прислонилась к дальней стене в его кабинете, пока я не прочистила горло. Мне не сложно подкрадываться к людям, но обычно я не могу проделать это с Презом. Могу сказать по тому, как его волосы торчат в шести разных направлениях, что он прочесывал их своими пальцами. Темные круги под его глазами говорят о недостатке сна, потому что обычно През не так тяжело смотрит.

– Что, блять, за долбаного кобеля я завел, раз ты можешь попасть сюда, а он и не заметит?

– Я же говорила тебе, не заводить эту дворняжку, – отвечаю я.

– Проклятье, Кас. Я знаю, что не самый симпатичный, но не обязательно называть мне «дворняжкой», – говорит Дикарь, ВицеПрез клуба, проходя в кабинет Преза и плюхаясь на диван. Не удивительно, что они оба здесь сегодня. Дикарь никогда не ходит в бар, а През, похоже, никогда не покидает клуба.

Я знаю, что Дикарь никогда не покидает клуб, потому что у него есть проблемы. Они появились с тех пор, как он ушел со службы в морской пехоте, когда самодельное, взрывное устройство отправило его домой, слава богу, не в мешке. Тот день, когда с Эйбом произошел несчастный случай, все еще выжжен в моей голове.

Иногда, самая худшая часть работы снайпера – что все, что ты можешь, это просто смотреть. Видеть последствия хаоса, того, что он оставлял после себя. В тот день взрыв забрал Эйба и заменил его Дикарем. Ушел спокойный человек, который мог часами говорить о женщине, которая осталась дома. Он всегда говорил, что женится на ней, когда вернется в Штаты. Теперь же мы не можем произносить ее имя, чтобы он не встал и не покинул помещение.

Что касается Преза, не уверена, почему он не мог вытащить себя из этого места, но сегодня я рада, что он здесь.

– Я столкнулась сегодня с парочкой из «Пятерки Тузов», – оба, През и Дикарь, изучают мое тело на предмет повреждений. – И агента Винсента Касано, – заканчиваю я.

– Да ну нахер, – рычит Дикарь.

– Пришла беда, отворяй, блять, ворота, да? – произносит През, вставая из-за стола. Он обходит его и прислоняется спереди. Вытащив телефон, он нажимает несколько кнопок, и несколько минут спустя Скрайб, клубный секретарь/казначей, входит в помещение, стреляя в меня быстрым подмигиванием, перед тем как сесть рядом с Дикарем.

– Выкладывай.

Я рассказываю им практически все детали того, что произошло. Я опускаю количество раз, сколько Винсент заставил меня кончить, но они итак достаточно узнали. Не время скрытничать. Всегда намного лучше, когда твоя команда знает все, чтобы не осталось сюрпризов.

– Он хочет тебя, – говорит През, когда я, наконец, заканчиваю свой рассказ.

Я только киваю согласно. Не думаю, что Винсент хочет меня только из-за работы, кажется, он, действительно, меня хочет. Я нахожусь среди мужчин всю свою жизнь, торчу в замкнутых пространствах вместе с ними часами, поэтому я научилась читать их довольно хорошо.

– Но ты считаешь, что он и твое расследование ведет? – спрашивает През.

Я снова киваю. Он знал, кто я, когда вошел в тот бар. После того, когда я выяснила кто он, я проиграла все в своей голове. *«Я хотел попробовать тебя с того момента, как впервые увидел».*

Он сказал так, будто ждал этого дольше, чем одну ночь. Потому что это так. Кто знает, как долго он следил за мной. Мне казалось, что я ощущала что-то, какое-то жуткое чувство, но я списала это на раздразнивание из-за краденого оружия.

– Не могу сказать, что виню парня, я пытался добиться от Кас пропуска между ее ножек долгие годы, и все равно выполняю, все, что она говорит. Не могу представить, что она заставила бы меня сделать, если бы, на самом деле, дала попробовать себя, – говорит Скрайб, стреляя в меня взглядом, от которого мгновенно слетали трусики у всех женщин перед ним.

Скрайб чрезвычайно сексуален. Он тот, кого вы увидите, если GQ решит, что им нужен на обложке татуированный байкер. Большинство женщин просто липнут к нему из-за внешности, но я люблю его за то, что он всегда заставляет меня смеяться. Он так же может взломать практически все. Я показываю ему «фак», перед тем как вернуться обратно к теме.

– Я беспокоюсь насчет Техаса, – медленно выдыхаю. – Не хочу, чтобы это ударило по клубу. И поверь, я знаю насколько чертовски глупо было хранить ту пушку, которой я убила того ублюдка, но по какой-то причине, я не могла избавиться от нее.

Было крайне глупо с моей стороны держаться за нее, и не только поэтому, это было еще и краденое оружие. Я забрала его из ВВС с единственной целью – убить. Мне нужно было оружие, по которому нельзя было бы отследить меня, поэтому я прихватила одно. Я убила с его помощью, а затем сохранила. Зачем? Я все еще, блин, не знаю. Но теперь он попал к «Пятерке Тузов» в куче пушек, которые они забрали.

– Кто ж знал, Кас. Пушка может исчезнуть навсегда, – говорит През.

– Да, точно. Я не настолько, блин, везучая.

– Мы должны вернуть ее раньше копов. Если они доберутся до нее, то мне крышка. Они уже считают, что я украла оружие для убийства, когда оно исчезло из ВВС. Это та же пушка, которой убили Чарли. Если она попадет к ним, это станет самым коротким закрытым делом для них, – бормочу я, чувствуя, как нарастает напряжение в моих плечах.

– Что ты думаешь насчет того, чтобы использовать его, Кас? Если он, действительно, занимается этим делом и у него стояк на тебя, ты можешь поиграться с ним.

Я понимаю, что играть с Винсентом, это как играть с огнем. Не только поэтому, но и потому что это будет слишком личное задание, а я не очень-то хороша в этом. Не помогает делу и то, что я, похоже, сама не своя рядом с ним.

– Могу. Если ты считаешь, что именно это я должна сделать. Если это предотвратит удар по клубу.

– Я могу научить тебя искусству соблазнения, – встревает Скрайб.

– «Искусству соблазнения», да? В смысле, ты даешь уроки, как передернуть в дальней комнате под старое порно Дикаря?

– Ты ранишь меня, Кас, – дразнит Скрайб. Можно подумать, что что-то ранит это этого мужчины.

– Я могу подстрелить твою задницу через минуту, – говорю я, жалея, что не положила еще одну резиновую пулю в свой пистолет.

– Это твоя прелюдия? Потому что это какое-то садистское дерьмо, Кас.

Закатив глаза, я перевожу взгляд на Презу, который пристально смотрит на Дикаря. Клянусь, они могут общаться мысленно. През разрывает зрительный контакт с Дикарем и переводит глаза на меня.

– Я очень беспокоюсь за тебя, Каспер. Ты можешь сейчас многое потерять.

– Я сделаю все, что потребуется, – и я серьезно. Я не позволю ничему случиться с клубом. Это единственная семья, что у меня осталась. Мне не удалось защитить свою другую семью, отказавшись сделать это. Но в этот раз у меня есть все средства.

– Я знаю, что сделаешь, но не хочу, чтобы ты подумала, будто я прошу тебя это сделать из-за того, что ты женщина, – я поднимаю руку, чтобы остановить его. Я знаю это. Он попросил бы этого у любого.

– Черт подери, – говорит Скрайб. – Я бы соблазнил любого, чтобы вытащить твою задницу из тюрьмы, Кас. Ты же знаешь, что мне нравится, когда она находится рядом, – я не могу не улыбнуться на его комментарий.

– Что насчет «Пятерки Тузов»? Они искали меня сегодня.

– Думаю, твое общение с федералом вынудит их оставить на время твою задницу в покое, но всем нужно прикрывать наши спины. Они не очень-то обрадовались твоей пуле в их ВицеПрезе, но еще они знают, что мы, блять, не всегда рядом.

– Если я пойду на дно, я утащу их за собой, През. Скрайб может дать мне ориентировку на них, и я уложу их в гробы в течение недели, – предлагаю я. Если они придут за нами в поисках крови, почему я не могу просто остановить их начинания? Я потеряла достаточно братьев за несколько лет, и убрать «Пятерку Тузов» не будет отличаться ничем, от убийства на задании.

– У нас ее пока еще нет, Кас. Давайте простождемся, как все обернется. Нет причины устраивать большую заварушку, если нет необходимости. Я хочу, чтобы ты сосредоточилась на федерале. Твое задание – пушка.

Я согласно киваю. Я не могу пойти против приказов Преза, даже если моему пальцу нравится идея убрать их всех.

– Я выясню все, что он знает, – произношу я, поворачиваясь к Скрайбу и ухмыляясь ему. – Итак, ты хотел научить меня соблазнению? Когда ты сосешь член, ты используешь зубы?

Глава 4. Винсент.

Я вижу, как она входит в дом, и жду секунду, чтобы выйти из своей машины. Я сидел у нее на хвосте недолго, пока не понял, то она направлялась в сторону клуба, поэтому вернулся к ее дому, чтобы дождаться. Я знаю, что она рассказала им обо всем, что произошло, и мне плевать на это. Я хочу ее, что означает и клуб тоже. Это очевидно большая часть ее жизни, и я не хочу пытаться изменить это. Она демонстрирует им верность своим рассказом обо мне. Я не могу ненавидеть это. Я просто хочу какой-то верности и для себя.

Я не обхожу ее дом, где обычно слежу за ней. На этот раз я иду прямо к двери и стучу в нее. Я понимаю, чего хочу от нее, поэтому больше, блять, в стороне не буду. Она одна, поэтому для чего разыгрывать хладнокровие? Я здесь из-за нее, и больше ничего не имеет значения.

Спустя секунду я вижу ее тень, мелькнувшую в глазке. Она стоит по другую сторону двери и смотрит на меня, но не открывает. Я подпираю дверь по обе стороны проема и наклоняюсь, чтобы посмотреть прямо в глазок.

– Ты видишь меня. Я знаю, ты видишь меня. Ты открываешь, или я сплю сегодня на твоём крыльце?

– Качели, на самом деле, довольно удобные, – произносит она из-за двери.

Я оглядываюсь, и думаю обо всем, что хочу сделать с ней на этих качелях.

– Почему бы тебе не выйти и не показать, как они работают? Ты же знаешь, что я самый красивый в этих отношениях, а ты – самая умная.

Она щелкает замком и распахивает дверь.

– Ну да, блин конечно. Ты самый красивый в этих отношениях.

Я самодовольно улыбаюсь ей, и она опускает свои руки на бедра.

– Послушай, Значок. У меня было время, чтобы остыть, и одновременно с тем, что я не могу связываться федералом, я все еще хочу ту ночь, которую ты пообещал мне. Поэтому если мы это сделаем, ты захлопнешь свой рот.

– Значок?

– Это все что ты понял из сказанного? Да, Значок. Ну, знаешь, жетон, как тот, что наверняка лежит твоим заднем кармане.

Она права.

– Значит, ты позволяешь мне себя трахнуть, но я не могу похвастаться этим перед парнями в офисе?

Она поднимает бровь и убийственно смотрит на меня.

– Я не целуюсь и не разговариваю, поэтому тебе не стоит волноваться об этом. Но я не стремлюсь скрывать тот факт, что трахнул самую сексуальную женщину, которую видел за всю свою проклятую жизнь.

Ее руки падают с бедер, и я вижу тот же румянец на ее щеках снова. Что-то в этом показывает насколько она, на самом деле, уязвима, и мне это нравится.

Я снимаю руки с дверного проема и шагаю в дом. Я закрываю дверь пинком за собой и щелкаю замком. Ее глаза увеличиваются, пока она стоит тут и смотрит на меня. Я продельваю два тяжелых шага до нее и хватаю за талию, поднимая на себя. Ее руки и ноги сразу же обвивают мое тело, и я уношу ее в спальню. Ясное дело, мне не нужно спрашивать, где она.

Я продолжаю идти, пока мои колени не упрутся в кровать, и укладываю ее на спину.

– Сними одежду, – прошу я и тянусь за свою голову, чтобы стянуть футболку. Она так и лежит, уставившись на меня, похожая на богиню, пока я расстегиваю ремень и молнию на джинсах. Она сочная и соблазнительная, и я не могу дожидаться момента, когда вопьюсь зубами в каждый ее дюйм. – Макензи, я буду более, чем счастлив кончить на тебя, но, в действительности, предпочел бы свой член внутри тебя. Снимай майку и дай мне посмотреть на эти полные сиськи.

Я самодовольно улыбаюсь, когда сбрасываю одежду и ботинки. Я – итальянец, поэтому у меня загорелая кожа и волосатое тело. Темные волосы на груди покрывают мои перед и ноги одинаково. Я занимаюсь, поэтому мое тело в форме, но я, безусловно, крупный парень и ни за что не решу подстричься. Макензи разглядывает мое тело с ног до головы, и, похоже, ей нравится то, что она видит. Я надеюсь на это, это единственное голое тело, которое она будет видеть остаток своей жизни.

Я встаю перед ней, полностью обнаженный с членом наперевес, указывающим на нее. Она садится и снимает майку, и ее черный кружевной лифчик идет следом. Ее большая грудь вываливается на

свободу с розовыми, затвердевшими сосками. Она ложится на спину и расстегивает джинсы, а я опускаюсь вниз, чтобы расшнуровать ее ботинки. Вместе, мы раздеваем ее, пока оба не остаемся голыми.

Я опускаюсь на колени и подхватываю ее лодыжки, подтягивая ее попку к краю кровати. Она взвизгивает, но не протестует.

– Сядь, детка, я хочу эти соски в своем рту.

Она выполняет то, что я прошу, и садится на край кровати, опуская ноги на пол. Я устраиваюсь на коленях между ее ног, и мой рот оказывается на совершенных вершинах, чтобы уделить им много внимания.

Я обхватываю ее грудь обеими ладонями и сжимаю их вместе, чтобы одновременно поместить оба соска в свой рот. Я – голодный мужчина, а ее тело – восхитительный пир для меня. Она вцепляется в мои волосы и тянет их, когда я становлюсь грубее с ней. Ее грудь большая и вываливается из моих рук, и я не могу насытиться ею своим ртом. Я сосу и покусываю ее, что, знаю, оставляет следы. Мой член истекает смазкой только от мысли сделать ее своей. Я не протерплю долго перед тем, как оказаться в ней, но нам нужно немного поболтать.

Я неохотно отстраняю свои губы всего на дюйм от ее сосков, не желая выпускать их из своего рта.

– Ты на таблетках?

– Иди с этим нахрен, я на прицеле. И ты наденешь презерватив на себя, чтобы мы смогли продолжить.

Я смеюсь и качаю головой, отстраняясь немного, чтобы встретиться с ней глазами.

– Нет, не надену.

На ее лице появляется злое выражение, и она вцепляется жестче в мои волосы.

– Нет, наденешь. Ты надеваешь презерватив, или мы не трахаемся.

– Я проверяюсь каждый раз на работе, и мой последний отчет шесть месяцев назад был чистым.

– Но что было после этого? – спрашивает она, и я вижу, что она обдумывает это.

– Я не был ни с кем больше года, поэтому я рад продолжить, и мы не будем предохраняться. Никаких презервативов между нами.

– Ты все равно наденешь его, – говорит она и оттягивает мою голову от своих сосков.

Я рычу и отпускаю ее сиськи, чтобы вцепиться в бедра. До того как она успевает запротестовать, я стягиваю ее задницу с края кровати и врезаюсь до основания своим членом.

Она вскрикивает от удивления, а я стону от ощущения ее тугой киски, обхватывающей мой член. Это даже лучше, чем я представлял. Идеальное, блять, соответствие. Как будто я создан для нее.

– Какого хрена? – кричит она, но я только крепче удерживаю ее, чтобы она не двигалась. Она ерзает, но ее попытки соскочить слабые. Если бы она хотела слезть с моего члена, то смогла бы сделать это. Женщина, подобная Макензи, не станет делать то, чего не хочет, но я могу сказать, что мне придется временами давить на нее. Я собираюсь пробиваться сквозь ее стены и ничего не имею против, чтобы сделать это для нее. Для нас.

– Хватит, детка. Я не о себе беспокоюсь, и мне плевать, если ты имеешь что-то против. Ты нужна мне кожа к коже. Разве мой голый член не замечательно ощущается в этой киске? – я чувствую, как ее киска сжимается из-за моих слов, и она слегка расслабляется. – Вот так, Макензи. Почувствуй, как мой не покрытый член пульсирует в такой тугой киске. Это твой член. Каждый его дюйм твой. Я чувствую, как твои соки стекают к моим яйцам, вот насколько ты истекаешь из-за него.

Она стонет и закрывает глаза, двигая бедрами, чтобы почувствовать нашу скользкую смесь соков. Я удерживаю ее бедра и помогаю двигаться вверх и вниз. Я сижу на пятках, а она седлает мои ноги, ее пальчики на ногах подгибаются над толстым ковром по обе стороны от меня. В этой позе она может контролировать темп, и я могу вбиваться в нее жестче.

Она открывает глаза, и мы пристально смотрим друг на друга, пока она скользит туда-обратно по моему члену.

– Черт, потрясающие ощущения, – шепчет она.

– Идеально, – шепчу в ответ. – Я знал, что ты будешь такой. Лучшей, что у меня было в жизни.

Она улыбается на мои слова и пробегается пальцами по моим волосам. Я закрываю глаза и наклоняюсь вперед, чтобы прикусить ее шею. Мои толчки становятся агрессивнее, и я ощущаю, что моя потребность в доминировании над ней возрастает.

Я отстраняюсь и смотрю в ее глаза.

– Откинись назад и положи руки на край кровати. Я хочу жестко трахать тебя и смотреть, как мой член входит и выходит из твоей киски.

Я вижу, как она сглатывает и кивает. Она слегка отклоняется назад, и я помогаю ей устроиться, когда она кладет свои локти на край кровати. Я чуть приподнимаюсь и вцепляюсь в ее бедра, трахая ее в такой позе. Ее тело растянулось передо мной, а ее огромная грудь трясется, пока я вколачиваюсь в нее.

Я опускаю взгляд на место, где мы соединяемся. С моего члена капает ее нектар, а ее клитор припух. Она хочет кончить, и я практически готов помочь этому осуществиться. Мне просто нужно услышать от нее кое-что для начала. В этом нуждается часть меня. Знать, что это не просто быстрый секс для нее. Знать, что я стану частью ее жизни. Сама мысль, что она выставит меня утром, вызывает в моей груди пустоту.

– Скажи, что познакомишь меня завтра со своими друзьями.

– Что? – переспрашивает она в полном шоке.

– Я знаю, что ты состоишь в клубе, и тебе не обязательно тащить меня туда, но я хочу познакомиться с твоими друзьями. Я не хочу быть тайной, – я понимаю, что это может стать большим препятствием в наших зарождающихся отношениях, и хочу задавить это так быстро, насколько возможно. Тогда возможно это чувство беспокойства утихнет. Оно сидит во мне с того дня, когда я увидел ее фотографию, и с каждым днем растет. Мысль, что я потеряю ее – слишком. Она качает головой, но я тянусь вниз и ласкаю клитор большим пальцем. Она пытается ударить меня по руке, но я пресекаю это.

– Положи свои чертовы руки туда, где они были, Макензи, и больше не двигай ими.

Она медленно кладет локоть обратно на постель, и впивается в меня взглядом, который может, наверняка убить человека послабее. Это почти вынуждает меня спустить внутрь нее.

– Я не твой грязный секрет. А ты – не мой.

Она кивает согласно головой, но я хочу слова.

– Скажи это.

– Я разрешу тебе познакомиться со своими братьями.

– Я сегодня буду в твоей постели, но ты все равно должна мне ночь в моей.

Она снова кивает, но я терблую ее клитор еще немного, давая ей понять чего хочу.

– Я сдержу свое обещание. Я все равно окажусь в твоей постели.

– Хорошая девочка, – шепчу я, и от этого она снова краснеет.

Я набираю скорость на ее клиторе, и тру его быстрыми, резкими кругами. Я вбиваюсь членом, жестко объезжая ее, и после всего нескольких толчков, я чувствую, как ее киска начинает кончать. Ее ноги расцепляются, а голова запрокидывается назад. Она выкрикивает мое имя, и наглый засранец внутри меня вырастает до размеров двухэтажного дома.

Я последний раз с силой толкаюсь и опустошаю свои яйца глубоко внутри ее киски, обожая звук своего имени на ее губах.

Я кладу свою голову на ее грудь, пытаюсь перевести дыхание. Я заключаю ее в свои объятия. Ее руки обвиваются вокруг моей шеи.

С небольшим усилием я поднимаю ее и укладываю нас обоих на ее маленький матрац. Он немного больше двуспального, но мне плевать. Я все равно всю ночь буду поверх нее.

Я частично лежу на ней, и крепко обнимаю, когда проваливаюсь в сон.

– Ты собираешься спать на мне? – спрашивает она, но я слышу улыбку в ее голосе.

– Это удержит тебя от побега посреди ночи, – бормочу в ее волосы.

– Ты же помнишь, что это мой дом, да? – спрашивает она с зевком.

– Если бы ты только знала, сколько раз я пометил это дом, то не говорила бы этого.

Я слышу ее гудящий, вопросительный звук, но мы оба засыпаем раньше моего ответа.

Глава 5.

Кас.

Теплые пальцы проходятся по шрамам, расчерчивающих мою спину, за которыми следуют мягкие губы. Нежные поцелуи касаются каждого рваного шрама, отчего мое сердце сжимается в груди.

– Ты получила их на службе в ВВС? – спрашивает он, напоминая мне о том, что знает обо мне больше, чем я о нем.

– Нет, – отвечаю честно. Обычно люди не видят моих шрамов. Большая часть моего секса – быстрая и спешная, иногда даже не до конца раздеваясь. А сейчас я лежу, обнаженная в своей постели, с мужчиной, который едва ли оставил мне немного места.

Чувствую, как его тело накрывает мое после моих слов.

– Полагаю в той папке на меня у тебя не все детали моей жизни.

– Ты получила их занимаясь херней для клуба?

– Херней для клуба? – огрызаюсь я, давая распробовать свои слова и понять ему, что лучше следить за своим языком.

– Просто ответь мне, Макензи, – произносит он, оставляя еще один поцелуй на моих шрамах. Его губы расслабляют мое напряжение. Он переживает.

– Нет. И не оттуда тоже.

– Ты хочешь, чтобы я вытягивал из тебя правду? – спрашивает он, проводя языком вдоль еще одного шрама, вызывая мой стон. Я поняла, что для него это такая игра. Ему нравится дразнить мое тело, чтобы я рассказала ему все, что он хочет услышать. Это должно вывести меня из-за того, что у него это получается, но я солгу, если скажу, что мне это не нравится. Мое тело жаждет его, как ничего и никогда прежде. Я обнаруживаю в себе то, что позволяю ему вольности, которые не позволяла ни единой душе.

– Я получила их до ВВС.

– Но тебе было восемнадцать, когда тебя завербовали.

– Было, – подтверждаю я, позволяя ему увидеть часть себя, о которой знают только несколько.

– Ох, Макензи, – он выдыхает в мою спину, осыпая поцелуями мой позвоночник, и дает мне понять, что шрамы не меняют его отношения ко мне. Что они ему не противны. Он может изменить свое мнение, когда узнает, что я сделала за эти шрамы. Он может отшатнуться от того уродства, частью которого я была. Это горькое напоминание того, что все, что с ним здесь – не настоящее. Что я здесь для того, чтобы выяснить, что он знает обо мне, и даже если он отрицает это, он, наверняка, здесь, чтобы закрыть свое дело.

– Поделись со мной этим, – просит он, как будто это так легко. Как будто он имеет на это право.

– Я не стану ничем делиться с тобой. Я не доверяю тебе. Да я даже сомневалась, что ты наденешь чертов презерватив.

Внезапно, я оказываюсь на спине, а он нависает надо мной, его напряженный серый взгляд впился в меня.

– Завязывай с этим, Макензи. Я же сказал тебе – это не игра. Я хочу тебя. К черту дело, – он наклонился ко мне, так что мы оказываемся нос-к-носу. – И что касается презервативов, тебе лучше привыкнуть к их отсутствию, потому что это не изменится. Не пытайся избавиться от меня. Я буду иметь тебя без презерватива, заполняя твою маленькую, горячую киску *своей* спермой, и напоминая, что ты никуда не денешься от меня. Ты – моя.

Все мое тело настораживается после его слов, вызывая у меня сердечный ритм, как будто я на задании. Было бы удивительно, если бы это не испугало меня до чертиков. Винсент может оставить после себя другого рода шрамы. Те, которые уничтожат меня изнутри. Трудно поверить в то, что он говорит.

През дал мне краткое досье на него, перед тем как я уехала из клуба. Он – отмеченный наградами агент ФБР, который быстро поднялся по служебной лестнице. Движущая сила, не остановится ни перед чем, чтобы добиться того, чего хочет. Вопрос в том, чего он хочет больше: меня или дело?

Сама мысль, что я могу быть превыше всего для него очень сладкая на вкус, что я отталкиваю ее в сторону. Я никогда не была превыше всего для кого-то в своей жизни. Даже для своих братьев, клуб – превыше всего, но Винсент вызывает ощущение, что я стану для него всем.

Как будто я – это два разных человека. Один хочет уступить Винсенту и поверить его словам. Он смотрит на меня так, будто я – его все, будто он сделает ради меня все, и это опьяняет. На меня никто не смотрел так раньше.

Другая часть меня знает, что это слишком хорошо для правды. Что агент ФБР не сможет закрыть глаза на то, что я сделала. На то, что я сделаю. Будет ли он пытаться изменить меня? Не прошло и двенадцати часов, как я предложила убить десяток человек. С Винсентом или нет, это предложение все еще в силе.

Закрытые глаза никак не помогают шквалу чувств, которые обрушиваются на меня, я все равно чувствую его запах. Тонкий аромат его тела, смешанный с запахом нашего секса, головокружительный. Этот запах навсегда будет отпечатан в моей голове.

– Детка, посмотри на меня. Поговори со мной, пожалуйста, – открыв глаза, я пытаюсь прочесть его. Он всегда такой напряженный, но уверена, что он может легко читать меня. Битву, бушующую внутри меня, никак не скрыть.

– Хотел бы я сказать, что сожалею о том, что свело нас вместе, но не стану. Ничего из этого. Твой файл упал на мой стол, и я пропал. Я никогда не причиню тебе боль, Макензи. Ты можешь рассказывать мне все. Впусти меня, и я докажу тебе это.

Возможно, если я расскажу ему часть, он поймет, что мы никогда не сможем поладить – мужчина, который живет всю жизнь по букве закона, и я, устанавливающая собственные правила, которым следую.

– Я пошла в ВВС, потому что хотела летать. Знаю, это глупо, но я хотела, – говорю я, вспоминая, как лежала на заднем крыльце дома моих родителей, уставившись в небо, по которому пролетали птицы. Желая того же себе.

– У меня была не такая семья, как у тебя, Винсент. Мое детство не было наполнено воскресными обедами и походами в зоопарк. Мое было наполнено ничтожным отцом, который хотел сделать всех остальных несчастными вместе с ним, включая меня и мою мать. Он ненавидел то, что я не мальчик, и говорил мне об этом, каждый раз, когда избивал. Он был настолько жесток со мной и говорил, что это ужесточит меня, что было полной херней. Чарли просто нравилось, когда мы были в его власти. А потом я потеряла ее, мою маму. Врач сказал, что она упала с лестницы и сломала шею. А я была слишком труслива, чтобы рассказать им правду.

– Тебе было четырнадцать, когда умерла мама, Макензи.

Похоже, он не просто прочитал мой файл, но и запомнил его.

– Не важно. Я не защитила ее, как иронично, потому что именно этим я занималась в ВВС. Я просто научилась этому слишком поздно. Я пошла туда, чтобы научиться летать, но была слишком маленькой. Я была хороша в стрельбе, по сути, была самой лучшей. Поэтому именно этим я и занималась. Я лежала на стенах, защищая наши базы. Затем меня вызывали на несколько срочных заданий для морпехов, и после этого они похоже стали вызывать меня раз за разом снова. Я служила в ВВС, но Лукас – През – служил морпехом, и был командиром нашего отряда. В итоге, я стала работать с ними чаще, чем с ВВС. Впервые в жизни я почувствовала свою принадлежность, как будто у меня была семья. Та, которую я защищала, и я не хотела больше облажаться. Но как видишь, мой образ жизни имеет неясные очертания на всем пути. Я не вижу все черным или белым, как ты, Значок.

– А каким ты видишь все?

– Я всегда получала и выполняла свои приказы без вопросов, но иногда, нет времени ждать приказа. Иногда приходится решать должен ли кто-то жить или умереть самостоятельно. Когда ты сидишь и смотришь на мир через прицел, ты замечаешь все раньше остальных. Я принимаю свои собственные субъективные решения.

– Я понимаю это, я сам несколько раз так делал. Это наша работа, Макензи.

– А что ты скажешь на то, что я все еще это делаю, но это уже не моя работа? Что если иногда я все еще принимаю субъективные решения.

Знаю, что он должен знать, о чем я говорю. Я не сделала прямого признания, но если он прочел мой файл, насколько я знаю, то он должен сложить дважды два. Я убила своего отца.

– Скажем, я возвращаюсь домой, вижу своего отца все еще творящего то же самое, но с новой семьей, и принимаю субъективное решение.

Я не только убила его, но и спланировала это, как на заданиях. Я дожидалась, когда его новая жена и ее дочь уйдут на работу, и выстрелила в его сердце. Он даже не понял, что с ним случилось. Мгновенная смерть. В отличие от моего отца, мне не нравится смотреть на страдания людей. Мне просто нравится, когда со всем покончено. Затем я позвонила в полицию, чтобы сообщить им о труп, который нужно убрать. Его новой жене и падчерице нет нужды возвращаться домой к этому дерьму. Он уже протащил их через достаточное количество.

– Меня не волнует, убила ты его или нет.

Я отворачиваю голову в попытке разорвать зрительный контакт. Поднеся ладони к своему лицу, я растираю глаза. Этого не должно было произойти. План состоял не в этом. Я та, кто должна вытягивать из него информацию, но только продолжаю выкладывать ему все, о чем он спросит, похоже, я не могу остановить себя.

Сильная рука перехватывает мой подбородок, заставляя снова посмотреть на него.

– Мне плевать, Макензи, какой бы не была причина его убийства. Был ли у тебя мотив или нет. Меня перестало это волновать в тот момент, когда я увидел тебя. Я понимаю, что ты пока мне не веришь, но со временем ты поймешь. Ты долгие годы защищала людей. Я собираюсь показать тебе, что буду защищать тебя, хочешь ты этого или нет.

– Ты – федерал, – напоминаю я. – Я всегда буду пересекать черту, которая тебе не понравится.

– Если ты считаешь, что я собираюсь читать тебе лекции о правосудии, то ты выбрала не того парня. Я перечитывал твой файл бесчисленное количество раз, но знаю, что ты всегда делаешь то, что считаешь лучше всего. Твоя система правосудия всего лишь немного отличается от моей. Я никогда не попрошу тебя измениться.

– Не считаешь, что это станет конфликтом интересов?

– Никакого конфликта не будет никогда, когда дело касается тебя.

Я улыбаюсь ему сквозь непролитые слезы, ощущая резь в своих глазах. Клуб всегда прикрывает мою спину, но то, что сказал Винсент, кажется иным. Глубже.

– А разве в моем деле не сказано, что та пушка, которая пропала с базы, где я служила, была той же, которой убили моего отца? – спрашиваю я, задаваясь вопросом, выдаст ли он мне эту информацию. Я знаю, что в файле это написано. Скрайб сказал мне об этом.

– Написано, – простой ответ увеличивает комок в моем горле чуточку больше. Он не солгал. Он со мной откровенен.

– Если они найдут то оружие, то все поймут.

Он понимающе смотрит на меня.

– Никто не заберет тебя у меня, Макензи, пойми это.

– Хорошо, – только и отвечаю. А что я могу еще сказать? Только время покажет, говорит он правду или нет. Единственная задница на линии огня сейчас – моя. Мне больше нечего терять. Сяду я в тюрьму или нет, я так же могу наслаждаться встречами с Винсентом сколько смогу.

Обхватив его ногами, я ерзаю бедрами, чтобы оказаться поверх него. Я пробегаюсь взглядом по всему его телу. Он как пир выложенный передо мной. Он бы был не самой плохой последней закуской для девушки, которой приходится выбирать.

Его взгляд замирает на моей груди, мои военные жетоны висят между ними. Я чувствую поток тепла, устремившийся к моей киске, когда его взгляд становится интенсивнее.

Как будто я не тяжелее куклы, он поднимает меня за бедра, заставляя мои ноги раскрыться шире, смещая меня так, чтобы я оседлала его эрекцию. Я ерзаю, выравнивая свой клитор поверх его эрекции. Понадобиться только одно небольшое движение, и мои половые губы раздвинутся шире, приглашая его глубоко внутрь меня.

Его руки обхватывают мою талию, вынуждая меня наклониться вперед и коснуться ладонями его груди. Темные волосы покрывают его грудные мышцы и живот, и я хочу потереться сосками об них. Я хочу его могучую грудь напротив своих сисек. Я хочу тереться об него, выгибаться в его руках.

Он приподнимает свои бедра и двигается назад и вперед, поглаживая мой клитор своим членом. Я ощущаю каждый сантиметр его толщины. Все неровности и вены его члена, возбужденного и взбудораженного мной.

– Еще, – стону я, когда его руки крепче хватают мои бедра. Он поднимает меня и одним гладким движением заполняет до конца. Но я хочу большего. Мне нужно быть ближе к нему. Впервые в жизни расстояние убивает меня.

И как будто он слышит мою молчаливую просьбу, Винсент садится. Наклонившись вперед, я захватываю его рот поцелуем. И пока мои губы не сталкиваются с его, я не осознаю, что натворила. Всегда он подкрадывается к моему рту, но на этот раз я притягиваю его к своей груди, лаская своей грудью его. Теплота его рта, полная близость распалает меня, и я кончаю.

Твою мать.

Один поцелуй, и я кончаю. Просто так.

Моя киска стискивает его член, вынуждая его дернуться внутри меня. Сжав руки крепче вокруг меня, удерживая ближе в нерушимых объятиях, я чувствую, как он взрывается оргазмом внутри

меня. Его бедра продолжают дергаться, и клянусь, он кончает снова, заполняя мою киску еще больше.

Я вцепляюсь в него, как в спасательный круг. Я не понимаю, что повторяю его имя снова и снова, пока не слышу эхо в тихой комнате. Но он не закончил со мной, и не думаю, что это когда-то случится.

Скользнув пальцами между нами, Винсент находит влагу, капающую из меня. Его сперма и мой оргазм смешались вместе. Используя пальцы, он втирает эту смесь в мой клитор.

— Блять, от ощущения моей спермы на тебе мой член стоит еще сильнее. Не думаю, что он вообще упадет. Чем больше я кончаю в тебя, тем сильнее становится потребность обладать тобой.

Натирая круги на моем клиторе, он снова начинает толкаться. Он откидывается на спину, разводя свои бедра, вынуждая меня раскрыться еще больше для его мощных, коротких толчков. Он вбивается в меня быстро и жестко. Одна ладонь удерживает мое бедро с такой силой, что я уверена, останется след. Я наклоняюсь вперед, нуждаясь снова в его губах.

Я теряюсь во всем этом. Я чувствую еще один оргазм, нарастающий внутри меня. Выкрикнув в его рот, все мое тело сжимается вокруг него. А он просто продолжает двигаться глубже и жестче внутри меня. Сладкий баланс между наслаждением и болью. Его пальцы впиваются в мои бедра, его губы поедают мои.

И в тот момент, когда я думаю, что больше не выдержу, я чувствую, как он набухает и снова взрывается внутри меня, запуская мой собственный оргазм, выжимая все до последней капли в меня. Такое ощущение, что весь мир померк в этот момент. Только он и я. И ничего не важно. Если бы только я смогла остаться с ним в этом моменте навечно.

Глава 6. Винсент.

– Ты хочешь прокатить меня на своем байке, как сучку?

– Слушай, если мы собираемся на стрельбище клуба, то за рулем я, и я не стану брать грузовик.

Она коварно улыбается мне, и я понимаю, что она проверяет меня. Так мило, что она считает, будто меня это волнует, но это не так. Я может и на заднем сидении ее байка, но, по крайней мере, я на нем. Она чертовски потрясающая крутышка, поэтому очередь из парней позади меня длинная. К счастью для меня, я уже ее заполучил и не планирую отпускать.

Я забираюсь назад, и она немного удивленно смеется. Полагаю, она не думала, что я это сделаю. Хлопаю по месту перед собой и приподнимаю бровь.

– Мы едем или как?

Она качает головой, забирается и заводит двигатель. Я обнимаю ее за талию и наклоняюсь к ней.

– Ты сможешь сосредоточиться, если я буду обнимать тебя?

– Просто оставляй руки там, где я смогу видеть их, и тогда я не убью нас, – она ухмыляется, когда ее байк оживает.

Я никогда на самом-то деле не увлекался мотоциклами, хотя знаю, как ездить на них, но поездка на нем с Макензи вызывает во мне желание изменить это. Черт, да я буду ездить на козле, если это означает, что я буду так близко к ней.

Она выбирает длинную дорогу на выезд из города, и мы едем некоторое время, перед тем как оказываемся у клуба. Солнце за спиной и возможность обнимать ее – самая большая свобода, которую я испытывал в своей жизни. Я понял в тот день, когда увидел ее снимок, что навсегда изменюсь, и место позади нее на ее байке только подтверждает это.

Она открылась мне сегодня утром и рассказала о том, я знаю, чем никогда не делилась ни с кем, включая и своих братьев. Ее шрамы теперь мои. Я не хочу вставать между ней и клубом, но и просто хочу быть настолько же важным. Я хочу стать ее второй половиной, если она найдет место для меня в себе и в клубе. Сегодня она показала мне, насколько уязвимой может быть, а встреча с ее семьей – огромный шаг. Это мой шанс показать им, что Макензи значит для меня, и какое место я хочу занять в ее жизни. Я понимаю, что это важный шаг для нее, поэтому обнимаю ее чуточку крепче, когда мы подъезжаем к воротам.

Клуб совсем не такой, как я ожидал. Я представлял землю, лишенную травы, которая окружала бы какой-то склад. Я ожидал проволочного ограждения и дэт-металла, орущего из раздолбанной колонки. Я покрутился пару раз, но не многое было видно с улицы. От кирпичного, глухого забора, окружающего вход, создается впечатление, что что-то на подобию особняка покажется перед нами. Когда Макензи подъезжает ближе, она вводит пароль на клавиатуре, и двойные, железные ворота раскрываются.

Мы проезжаем по дорожке, обсаженной по бокам деревьями, около полумили. Я понимаю, что это старая ферма, преобразованная в их клубный дом, и да я впечатлен. И будто читая мои мысли, Макензи начинает рассказывать о месте, по которому мы едем.

– През, прости, семья *Лукаса* долгое время владела этой фермой. Когда он ушел с военно-морской службы, он превратил это место в то, каким оно стало сегодня. На восточной части собственности есть полный гараж с публичным входом. Но, чтобы зайти дальше него тебе понадобится пароль, поэтому мы остаемся защищенными за стенами. Кирпичный забор построен только в передней части собственности, остальная часть – десятиметровый стальной забор с колючей проволокой. Никогда не вредно быть осторожным. На западной части – стрельбище, но мы проедем мимо него и для начала я покажу тебе клубный дом. Всего здесь около двухсот акров, но большая их часть – леса, и она неразвита. Несколько из наших парней любят затеряться на несколько недель, и там есть несколько небольших домиков. Здесь достаточно живности для охоты и есть озеро с большим количеством рыбы, на случай если кому-то захочется задержаться на большее, чем парочку недель.

Мы подъезжаем к главному дому, и он просто огромен. Он похож на старый фермерский дом, но со стороны можно сказать, что он был модернизирован в течение нескольких лет. Парочка байков припаркованы перед входом, и недалеко ходят несколько парней. Макензи не останавливается для приветствия, всего лишь приподнимает подбородок в сторону одного здорового парня, а он кивает своей головой в сторону стрельбища.

– Это же был Лукас, да? – спрашиваю я, пока мы направляемся в сторону полигона. Я видел несколько его снимков, когда раскапывал информацию, но, похоже, он стал еще больше после отставки из ВМФ.

– Угу. Уверена, что он присоединится к нам через секунду, – отвечает она, но кажется не в восторге от этого.

Когда мы добираемся до стрельбища, и я замечаю часть забора, которая выглядит, будто была повреждена. Около ста метров нового ограждения были недавно возведены, а земля выжжена в том месте, где, должно быть, произошел взрыв. Полигон представляет собой большое кирпичное строение, и я вижу, что та часть, что к нам лицом, свежее, чем остальное.

– Они отсюда зашли?

– Да. Долбаные ублюдки, – произносит она, и я слышу злость и боль в ее голосе. Она слезает с байка, и я вслед за ней. Мы стоим так где-то секунду, а затем я слышу рокот приближающихся мотоциклов. Я оглядываюсь и вижу еще три байка направляющих в нашу сторону.

– Круто, он друзей прихватил, – ворчит она, и я слышу, как сочится сарказмом ее голос.

Лукас паркуется, а следом и еще двое парней. Они все спрыгивают со своих мотоциклов и подходят к нам. Я всех их знаю по делу Макензи, и уверен, что и они меня тоже знают.

– Винсент Касано, федеральный агент, – произносит вместо приветствия Лукас, подтверждая, что он знает меня, и чем я занимаюсь.

Я принимаю решение выложить все карты на стол и рассказать всю информацию, которую я знаю.

– Лукас Хьюстон. Президент клуба «Призрачные Всадники», Канзас-Сити, Миссури, – перевожу взгляд правее от него, на следующего в его команде. – Эйб Таннер, по прозвищу Дикарь, Вице-Президент, – а затем влево. – Нокс Робертсон, так же известный как Скрайб, клубный казначей и неофициальный клубный хакер.

Лукас одаряет меня улыбкой и кивает в ответ.

– Похоже, мы уже все очень хорошо знакомы, Каспер, – произносит он и переводит взгляд на Макензи.

– Я привезла его сегодня пострелять и познакомиться с вами, парни. Подумываю, поддержать его поблизости чуток.

Протягиваю руку и вцепляюсь в ее запястье. Это не собственнический жест, а жест единства. Я хочу, чтобы они понимали, что я не боюсь быть с ней, и не боюсь того, что последует за этим.

– Я буду рядом на неопределенный срок. Я хотел выразить вам, парни, свое уважение и дать всем вам понять, без утаек. Я понимаю, что я федерал, но всегда буду ставить ее на первое место и понимаю, что она идет вместе с клубом. Она для меня намного важнее, чем работа. Я люблю ее, и никуда не собираюсь исчезать, так что стоит к этому привыкнуть.

Я сжимаю запястье Макензи на своих словах, ощущая, как ускоряется ее пульс, но она ничего не произносит. Кажется, я наконец-то заставил ее замолчать.

Лукас смотрит на нее, и они безмолвно переговариваются. Он кивает в ответ, и снова переводит свой взгляд на меня.

– Пока что, это не проблема. Просто знай, что если обидишь ее, то отвечать будешь перед нами всеми. И у нас достаточно мест, чтобы спрятать тело.

– Понял. Я не сделаю ничего, что навредит ей или поставит под угрозу клуб, потому что понимаю, что это значит для нее. Мы, наверняка, не всегда будем сходить в мнениях, но так в большинстве семей.

Эйб выходит перед Лукасом и протягивает руку. Я все еще держу Макензи левой рукой, поэтому протягиваю правую в ответ.

Он сразу же вцепляется в нее мертвой хваткой, но я даже не морщусь. Прямо сейчас он ищет мою слабость, но он не найдет ее.

– Добро пожаловать в семью, – ворчит он, отпуская мою руку и отступая к Лукасу.

– Так значит ты теперь – старик³? – спрашивает Нокс, склоняя голову вбок.

Я слышу, как фыркает Макензи рядом со мной, и просто пожимаю плечами.

– Прошлой ночью я был ее Богом, так что это вроде как удар по моему самолюбию, но пока я на ее байке, мне плевать.

Лукас хохочет и оглядывается на Макензи.

– Он мне нравится. Повеселитесь на стрельбище, Кас, – желает он и подмигивает ей.

³ Здесь автор имеет ввиду, что он становится клубным мужем героини, как старухи являются женами участников клуба. (прим. перев.)

Я оглядываюсь и замечаю, что она покраснела. Перевожу взгляд обратно на парней, которые забираются на свои мотоциклы, собираясь уезжать.

– Эй, Кас, не забывай о том трюке с зубами, о котором я тебе рассказывал, – перекрикивает Нокс шум заведенных мотоциклов, и Макензи показывает ему в ответ «фак», но с улыбкой на лице.

Пока мы смотрим, как они уезжают, она притягивает меня к себе и целует в губы. Меня и удивляет и радует, что она может быть нежной. Я отстраняюсь и глажу ее щеку.

– Что это было?

– Чертово безумие, – шепчет она и прикасается к моему лицу, так же как и я. – Так значит, ты хочешь стать моим стариком? Я подумаю об этом, – ухмыляется она.

Она может думать об этом сколько угодно, это ничего не изменит. Я уже проделал с ней огромную работу и чувствую, как часть веса исчезает с моей груди.

– Я люблю тебя, Макензи. Это может прозвучать безумно, но мне как-то плевать. Я сума по тебе схожу и не могу отмахнуться от этого. Я совершал множество поступков, которые включали в себя безумства, но внутри меня существует эта потребность – быть ближе к тебе, насколько это возможно.

– Что ты имеешь виду под «безумствами»?

Глубоко вдыхаю, потому что пришло время рассказать ей. Она заслуживает знать, насколько глубоки мои желания насчет нее.

– За неделю до нашей встречи в баре, я приезжал к твоему дому и наблюдал за тобой.

Она склоняет голову вбок, но не выглядит встревоженной.

– Я делал это каждую ночь до нашей встречи. И дрожил перед твоими окнами, наблюдая за тобой.

Ее глаза становятся больше, но она все еще не кажется расстроенной.

– Я ни на грамм не сожалею об этом. Так я был максимально близок к тебе, и это все что у меня было.

– Вау, немного сталкерством пахнет?

– Я еще вламывался в твой дом, каждый день, когда ты уезжала.

– Ты что делал? – выплевывает она и отстраняется.

– Выслушай меня, – успокаивающе прошу я и притягиваю ее обратно к себе. – Мне необходимо было узнать какая ты, до того как сделаю свой шаг. Я понял, что пропал, когда увидел твой снимок. Долбанный снимок, Макензи. Один взгляд – все, что мне потребовалось. Я знал, что ты моя единственная, но мне нужно было знать какая ты. Мне нужно было все о тебе выяснить. Нужно было знать, как попасть в твое сердце, как ты сама уже попала в мое.

– Что ты делал в моем доме?

Чувствую небольшой румянец на своих щеках, но должен быть честен с ней.

– Я лежал на твоей постели и нюхал подушку, – произношу я и спешу рассказать остальное. – Возможно, пил пиво, трогал твоё белье, нюхал шампунь и использовал немного твоего лосьона. Слушай, не стоит осуждать меня, я просто хотел подобраться к тебе, как можно ближе.

– Мда, это достаточно безумно, – произносит она и качает головой.

– Ты и понятия не имеешь, как я сходил с ума по тебе. И все еще схожу. Я ни о чем не сожалею и не стану извиняться. Я хочу выпить тебя, поглотить и дать все, что ты попросишь. Мое солнце восходит и садится с тобой, Макензи, и все, что я хочу в ответ, – твою улыбку. И возможно статус «старика».

Я слегка улыбаюсь, а она вглядывается в мои глаза. Надеюсь, она видит мою честность, потому что я открыл свою душу перед ней. Она может сломать меня и знает это.

Спустя минутное изучение, она шепчет:

– Почему я?

– Потому что без тебя не будет и меня. Без тебя, я не смогу существовать. Отец рассказывал мне, как встретил мою мать, и я знал, что настанет день, когда я встречу женщину, которая станет моей, – самые правдивые слова, которые я когда-либо произносил, а увидев ее и почувствовав это в своем сердце, я не выживу без нее.

Она медленно кивает и тянет руку, чтобы прикоснуться к моему лицу. Я воспринимаю это, как небольшой знак капитуляции, заключаю ее в объятия и приподнимаю вверх. Я целую ее со всеми чувствами, вливая всю свою любовь в ее тело, чтобы она ощутила мою потребность. Она обхватывает меня ногами, крепко прижимая меня к себе, и я продолжаю стоять вот так, целую ее.

Несколько минут спустя, она отстраняется, чтобы перевести дыхание.

– Пойдем внутрь. Я хочу немного пострелять.

– Если это такой шифр для секса, тогда я согласен. Давай немного постреляем, – отвечаю я и уношу ее на полигон, вцепившись в ее задницу.

Когда мы попадаем внутрь, я закрываю пинком дверь за нами и усаживаю ее на ближайшую поверхность. Оглядываюсь вокруг и вижу, что она потратила много времени и усердно работала здесь.

Внезапно я чувствую, как ее руки толкают меня в грудь, и пячусь на несколько шагов назад. Мой зад врежется в стол позади, и я шокировано смотрю на нее.

– Эй, какого хрена? – удивленно спрашиваю я, а она коварно улыбается мне в ответ.

Она спрыгивает со стола и идет ко мне. Она приближается медленно, как будто на охоте. Мой член становится все тверже, чем ближе она подходит, а затем она прижимается ко мне.

Я склоняюсь, чтобы поцеловать ее, и она захватывает мою нижнюю губу между своих зубов. Чувствую, как ее ладонь трет мой член, прикрытый тканью, и закрываю глаза, застонав от ощущений. Она так же разгорячена, как и я прямо сейчас.

Она выцеловывает дорожку к моему уху и облизывает раковину. Она прислоняется к нему и шепчет:

– Давай начистим твою пушку перед стрельбой, – и опускается на колени передо мной.

Ее вид, сидящей на коленях у моих ног, расстегивающей ремень, а затем молнию на моих джинсах, чуть ли не вынуждает меня спустить в штаны. Стираю свои зубы, чтобы обрести хоть чуточку контроля.

Когда ее ладонь освобождает мой член, и она берет его в рот, до основания, пропуская в свое горло, я вцепляюсь в стол и запрокидываю голову назад, застонав при этом.

– Ох, твою же, блять, мать, твой рот, – стону я и пытаюсь вернуть зрение. Мое тело больше не поддается контролю, пока она сосет мой член. Я оказываюсь в ее власти в течение нескольких секунд.

Я слышу звук шуршащей ткани и ощущаю, как она немного смещается. Когда я опускаю на нее взгляд, мне приходится несколько раз моргнуть, чтобы сфокусироваться на том, что она делает.

Я вижу ее ладошку в трусиках, как она ласкает пальцами свою киску, пока ее рот опускается и поднимается на моем члене. Вид добивает меня, и я хватаю ее за волосы, снимая со своего члена.

Подхватываю ее под руки, поднимаю на ноги и разворачиваю вокруг, толкая на стол.

Пинком ботинка раздвигаю ее ноги в стороны и стягиваю джинсы с бельем к коленям, для лучшего доступа. Пристраиваюсь своим членом к ее входу, и перед тем как войти я хочу ее подчинения.

– Ладони на стол и не убирать их, пока я не скажу тебе кончать. Поняла?

Она кивает в ответ и вгибается задницей вверх для меня, но я хочу подтверждения словами.

– Скажи это, Макензи.

– Да, Винсент. Я не буду шевелиться, пока ты не скажешь мне кончать.

– Хорошая девочка, – произношу я и врываюсь домой. Ее тугая киска обхватывает мой член, и я жестко вбиваюсь в нее. Ее ладони не смещаются ни на дюйм, пока я трахаю ее на столе и клеймлю ее тело. Я уже так близок после ее предыдущего внимания, и хочу, чтобы она была со мной, когда я кончу.

Тянусь рукой, нахожу ее припухший клитор и начинаю быстро и жестко натирать его. Она выстывает мое имя снова и снова, и я не снижаю темп своих толчков.

– Давай, Макензи. Кончи для меня, детка.

– Винсент! – кричит она, и я чувствую, как срывается ее тело. Она удерживает свое тело на месте, пока возбуждение затопляет ее, и срывается в оргазм. Ее узкая киска выдаивает мой член до последней капли спермы.

Это был быстрый и жесткий секс, но он всегда идеальный с моей девочкой. Лучший, что у меня когда-либо был, и последнее, к чему я когда-либо прикоснулся. Я везучий засранец.

Немного позже, когда мы приводим себя в порядок, и она готовится расстрелять свою цель, я просто откидываюсь назад и слежу за ней. Я думаю о том, насколько она красива, и как я не могу представить свою жизнь без нее.

Глава 7.

Кас.

– Бог ты мой, Значок, – выстываю я.

– Ты произносишь мое имя, когда мое лицо в твоей киске или член внутри тебя, – рычит он прямо в киску.

– Винсент, – стону я, пока он вылизывает шелку моей прикрытой–шелковыми–трусиками киски. Он пока не сдвинул их в сторону, что сводит меня с ума.

Теплые, влажные поддразнивания вынуждают меня выгибаться на кухонном островке в попытке вжаться сильнее в его рот. Обе мои руки тянутся к его волосам, притягивая его ближе, раскачиваясь на нем. Мои ноги широко раскинуты от желания удостовериться, что у него достаточно пространства, чтобы проглотить меня, но он всего лишь продолжает пробегаться своим языком по стыку моих губ через ткань белья.

Цепляюсь за его густые волосы крепче, поднимая его голову, пока его взгляд не впивается в мой.

– Хватит заниматься херней. Я произнесла твое имя, хватит меня мучить.

Сверкнув самодовольной ухмылкой:

– Я никогда не причиню тебе боль, просто хочу насладиться своим завтраком.

Выпустив его волосы, я бесстыже раскидываю ноги еще шире. Бросаю взгляд вниз и замечаю, как Винсент освобождает свой член из тонких боксеров и совершает парочку быстрых толчков перед тем, как вернуть свои большие, сильные руки на мои бедра, подтягивая их к себе, пока половина моей задницы не свисает с края столешницы. Подхватив меня под колени, он устраивает меня в той позе, в которой хочет, – с ногами поверх его плеч – он встает на колени, а взгляд сосредоточен исключительно на моей киске.

– Оттяни их в сторону, детка, покажи, как хочешь мой рот.

Поддерживаю себя одной рукой, второй тянусь вниз, чтобы оттянуть в сторону трусики для него.

– Ты удалила все волосы, – он, кажется, удивлен.

– Мне хотелось, чтобы ничего не стояло на пути у моего клитора и твоего рта. Если тебе что–то не нравится, може...

Я давлюсь вдохом вместо того, чтобы закончить самоуверенное замечание, когда Винсент толкается своими плечами дальше в меня, раздвигая мои колени шире. Он наклоняется вперед, пока я не начинаю ощущать теплое дыхание на моей обнаженной киске.

Свободной рукой он разводит мои половые губы для лучшего вида на мой клитор. Когда он начинает вылизывать меня длинными, стремительными мазками, я заваливаюсь спиной на столешницу. Мой халатик полностью раскрыт, выставляя напоказ мою обнаженную грудь, от чего мои соски становятся еще тверже.

Винсент неумолим со своим языком. Он фокусируется на определенном месте, от которого выгибает мою спину над поверхностью. Я пытаюсь сомкнуть ноги, но его плечи ограничивают меня. Они оставляют меня предельно открытой, в то время как его рука удерживает разведенными мои половые губы, и сама мысль, что он может поедать мою киску весь день напролет, если захочет, а я не смогу остановить его, простреливает неистовым экстазом все мое тело.

Я выкрикиваю его имя, когда оргазм разрывает меня. Меня должно шокировать то, как быстро он может заставить меня кончить, но за прошедшие несколько недель, я уяснила, что он знает, как управляться с моим телом. Я кончаю, когда он того хочет, будь это секунды, минуты или даже часы.

Закрываю глаза и наслаждаюсь покалыванием и эйфорией, пытаюсь успокоить свое дыхание. Я слышу тяжелое дыхание Винсента, такое же громкое, как и мое собственное. Медленное покачивание его тела между моих ног дает мне понять, что он все еще ласкает себя.

Я хочу его член внутри, но его широкий язык врывается в мою киску, раскрывая мои стеночки для себя. Мои мышцы сокращаются и скручиваются последствием моего освобождения. Его обе ладони скользят под мою попку, слегка приподнимая меня со столешницы предоставляя ему более глубокое проникновение своим языком.

– Я не могу. Не так быстро, – стону я, но мои бедра дергаются, умоляя об обратном.

Отпустив мою задницу, он позволяет моим ногам упасть с его плеч, чтобы встать между ними. Этот островок идеальной высоты для его члена, выровнявшегося с моей киской. Один быстрый толчок, и он окажется во мне по самые яйца, но он не совершает ни одного движения, чтобы проникнуть в меня.

– Я же говорил тебе, что ты умеешь готовить. Лучший завтрак, который у меня был. Я планирую завтракать здесь каждое утро, – сообщает он и начинает тереться головкой своего члена по моему клитору, туда и обратно. – Хотя это означает, что мне, наверное, стоит переехать сюда. В таком случае я получу «киску прямо в постель». Я могу просто просыпаться по утрам с тобой, сидящей на моем лице.

Мое тело вздрагивает в ответ. Не совсем уверена, это из-за того, что подразумевали его слова или из-за клитора, все еще чувствительного, после моего последнего оргазма, но я знаю, что он заставит меня ответить. Именно так он добивается от меня того, что хочет. Не уверена, почему это так важно, но он здесь каждую ночь и без приглашения. Он даже украл ключи. Этот мужчина спит ночью поверх меня, как будто я сбегу от него или что-то в этом роде.

Я постоянно делаю вид, что мне плевать, но, правда в том, что я люблю это. Как я могу не любить этого прекрасного мужчину, ведущего себя так, будто я его воздух?

– Что если я захочу завтрак в постель? – возражаю я.

– Тогда я буду поедать твою киску, пока ты не отключишься, а когда ты очнешься, он уже будет готов. Чертовски идеально для меня, – самодовольно заявляет он, как будто все уже решено, и я уверена, что он верит в это. Могу поспорить, что к концу дня половина его барахла окажется здесь. Я буду ныть, что оно занимает мое пространство, и тогда он, наверняка, трахнет меня на нем, чтобы показать насколько оно функционально.

Улыбаюсь, с нетерпением ожидая схватки. Наклонившись вниз ко мне, он целует улыбку на моем лице, а я потираюсь своей киской об его член. Его тело становится ближе, пока мы не оказываемся нос к носу. Его рука смещается между нами, вынуждая меня ахнуть, когда его палец исследует мою киску.

Он падает лицом в уголок моей шеи, где лижет за моим ухом, пока мазки не превращаются в поцелуи с открытым ртом. Часть меня хочет, чтобы он оставил там метку, но вторая – не хочет выслушивать всякую хрень от парней насчет этого. Это напоминает мне о том, насколько мы разные. Только на прошлой неделе он умолял меня оставить небольшие отметины по всему его телу, и я без вопросов сделала это.

Его пальцы растирают влагу на моем клиторе, выводя небольшие круги.

– Блять, ты так хорошо пахнешь. Я только что вылизывал твою киску и хочу снова. Я хочу, чтобы твой запах отпечатался на мне.

Он сменяет свои пальцы головкой члена, потираясь туда и обратно, вырывая из меня стон. Звуки выливаются из меня безостановочно.

Он не входит в меня, просто трется головкой члена туда-обратно, вынуждая истекать от желания.

– Кончи для меня, Макензи.

Мои бедра сжимаются, и я делаю так, как он требует, тихо вскрикнув. Мой оргазм обрушивается быстро и сильно, и удовольствие разрывает меня.

Его тело каменеет надо мной, и теплая влага растекается по моей киске. Он стонет в мое ухо, продолжая забрызгивать меня и не только киску, но и бедра.

Поднявшись, он пробегается пальцами по сперме, которую он оставил на мне.

– Именно так я помечу тебя, – говорит он, втирая сперму по всей моей киске и вниз к моей заднице. Вернув мои трусики на место, он добавляет. – Ты теперь весь день будешь немного пахнуть мой. Как напоминание, что ты – моя.

Натянув свои боксеры обратно на полуопавший член, он тянет меня в вертикальное положение на острове, все еще оставаясь между моих ног.

– Возможно, однажды ты заметишь меня в ответ, – говорит он, хватаясь за цепочку моих жетонов и притягивая меня для поцелуя. Я знаю, что он говорит не о засосах или царапинах, которые я оставляю на нем. Он говорит о моих жетонах.

Он спросил меня о клубе однажды, и я рассказала ему, что только членам или старухам позволен вход. Никаких сладких попок, или в его случае сладких членов. Он не был слишком обрадован тем, что его классифицировали, как «сладкий член» и будет оставаться таким, пока я не дам ему свой жетон. Теперь же он постоянно разглядывает их.

Я больше всего хотела бы отдать их ему, но я не знаю, как долго буду рядом. Мои братья поначалу сопротивлялись, когда поняли, что это больше ни какая-то игра или мои попытки узнать, что известно федералам. Презу, похоже, понравилась идея того, чтобы держать его при себе, но мне кажется, что это для его личной выгоды. Кто бы не захотел федерала на своей стороне? И кто знает, как они все отреагируют, когда увидят мои жетоны на его шее. Трахаться с ним – одно, а впустить его в клуб – совершенно другое.

Пока с Пятеркой Тузов все тихо, а оружие все еще не обнаружено, и все может измениться в любой момент, а я могу умчаться из города ни с чем, кроме оставшихся мне воспоминаний о Винсенте, я хочу получить все, что смогу от него. Эта мысль вынуждает меня углубить поцелуй. Мне нравится, как он целует. Он всегда овладевает и доминирует над моим ртом. Его язык двигается вдоль моего так же, как он двигается, когда глубоко зарывается внутри меня.

Пиканье моего телефона вырывает меня из дымки.

– Нет, – произносит он в мой рот, не желая, чтобы я отстранялась. Затем оживает и его телефон.

– Блять, – ворчит он, отстраняясь от меня. Несколько мгновений спустя он протягивает мне мой телефон и отвечает на свой.

– Касано, – произносит он, и я вижу, как его лицо становится серьезней. Он разворачивается и покидает кухню.

Провожу пальцами по своему, чтобы разблокировать его, вижу сообщение, и мой мир переворачивается с ног на голову.

През: ПП

Теперь я понимаю, почему он перенес свой разговор в другую комнату, он насчет оружия. През не отправляет предупреждение «ПП» если все не становится плохо... «Полный Писец». Дальше некуда. Похоже, все моменты, которые я пыталась накопить, дошли до своего предела.

Забавно, что мой отец забирает еще одного человека, которого я люблю, даже из могилы. И вот тогда до меня доходит. Я безумно, целиком и полностью влюблена в Винсента. До меня доходит, что первой моей мыслью было не то, что придется покинуть клуб, а что придется оставить его.

Этого мужчину, который стал всем, чего я когда-либо хотела. Он очень доминирующий, но не пытается контролировать или изменить меня. Он позволяет мне быть собой и обволакивает меня, а теперь я потеряю его. С моей стороны будет эгоистично просить его уехать со мной. Он любит свою семью, так же сильно, как и я свой клуб, и я знаю это по тому, как много он рассказывает о них, давит на меня, чтобы я познакомилась с ними, и я понимаю, что его будет разрывать пополам, оставив его жизнь позади. Они занимают большую часть его. По началу я думала, что ему называют какие-то случайные женщины, но вскоре поняла, что у него есть стайка любопытных сестер. Просто глупо для меня даже думать, что он всех их оставит. Насколько я понимаю, он может попытаться помешать моему побегу, утаив меня в участок. Нет, он не станет этого делать, но может попытаться вынудить меня остаться, попросить бороться. Здесь не с чем бороться. Я убила собственного отца и сейчас впервые ощущаю щепотку сожаления насчет этого. Не потому, что мне горько от того, что я сделала, а из-за того, чего мне это стоит.

Я слышу, как он приближается по коридору, и пытаюсь сдерживать свое лицо.

– Детка, мне нужно уйти, – говорит он, притягивая меня в свои объятия. – Ты поедешь на полигон?

– Мда, они заканчивают с ремонтом всех повреждений, которые были нанесены стене за сегодня. Я буду счастлива, когда весь этот бардак закончится, – отвечаю я, наполовину желая, чтобы он дал мне хоть что-то. Я знаю, что он работает над делом. Он уже освободил наш клуб от причастности к убийству, где обнаружили мое оружие, но пистолет, которым я убила, все еще не найден.

– Я рад, что ты привела в порядок свой полигон. Я знаю, как много он значит для тебя.

– Ты значишь больше, – позволяю своим эмоциям взять надо мной. Наверное, это последний раз, когда я вижу его.

– Это так? – улыбка играет на его губах.

– Ага, – отвечаю я, стягивая свои жетоны с шеи.

Склонившись вниз, он позволяет мне опустить их через свою голову, роняя на его обнаженную грудь.

– Должен сказать, детка, что на мне они смотрятся лучше, – из меня вырывается отрывистый смех, оставляя за собой жжение. Кто ж знал, что смех может оставлять за собой ощущение вырванного сердца? Но думаю, когда ты понимаешь, что это последний раз с тем, кого ты любишь, он отдает горечью.

Не могу сдержаться и улыбаюсь на его самодовольное выражение лица. Это одна из причин, почему я люблю его, и так же частично, почему я отдала ему свои жетоны, даже если меня не будет рядом, чтобы видеть, как он носит их. Ему никогда не было стыдно, когда дело касалось меня, его не заботит, когда люди отпускают шуточки насчет него из-за того, что он сидит за мной на байке, или что я стреляю лучше него. Он всегда такой самодовольный, что я принадлежу ему,

что становится очевидно – он в выигрыше. Черт возьми, он может и не захочет носить их, когда закончится этот день, но они по-прежнему для него. Даже если бы я никогда не отдала ему их, они бы все равно принадлежали ему, и я хочу, чтобы у него осталось хоть что-то от меня.

– Действительно, – соглашаюсь я, наклоняюсь, чтобы поцеловать их. Они у меня так давно, что сейчас странно больше не ощущать и на своей шее.

– Увидимся вечером. Я привезу ужин и немного своего барахла. Хреново ездить туда-сюда.

– Точно, – соглашаюсь я, понимая, что меня не будет здесь, когда он вернется.

– Ты действительно не против? Понимаю, что мой дом немного больше, но твой ближе к клубу.

Это еще больше разбивает мое сердце – разговоры об этом. Планирование жизни, которой у меня не может быть с ним.

– Идеально, но я не стану тебе помогать.

– Как насчет того, что я все перевезу сам, а когда закончу, ты сделаешь все сама в спальне?

– По рукам, – отвечаю я, желая, чтобы он, и правда, собирался ко мне.

– Увидимся вечером, отправь побольше тех грязных фоток, чтобы помочь мне пережить этот день,

– он хватает меня за задницу и крадет еще один быстрый поцелуй.

– Это ты этим занимаешься.

– О, так может тебе стоит поработать над этим.

– Ни за что.

– Ты же знаешь, что происходит, когда ты отказываешь мне, детка.

Вспышки того, как он привязывает меня к изголовью и вынуждает умолять его сделать снимки, проносятся в моей голове.

– Я подумаю.

– Можешь думать об этом, когда будешь держать один из своих пистолетов? Потому что твой обнаженный образ вместе с одним из них, наверняка, поможет мне продержаться больше года.

– Винсент.

– Ты права. Я не хочу, чтобы ты раздевалась на полигоне без меня. Я сам сделаю парочку сегодня.

– Ты можешь просто поцеловать меня и сказать, что любишь?

И до того как соображаю, я оказываюсь в его руках, а мои ноги закинута на его талию.

– Ты никогда не должна просить этого. Я люблю тебя, Макензи, – его губы опускаются на мои. *Я тоже люблю тебя*, думаю про себя. А потом он уходит.

– Я не стану подписывать эту долбанную бумагу, Каспер, – През хватает бумагу со стола и разрывает пополам.

– Не глупи. Кто знает, как все пойдет дальше, а это только упросить все для тебя.

– Да мне насрать на то, что там упросит для меня.

У меня были подготовлены документы, на случай, когда все пойдет наперекосяк с «Пятеркой Тузов», о передачи моей частичной собственности полигона. Я не хочу оставлять хоть какое-то хреновое влияние на этот клуб, ни в каких областях. Я уже позволила ему просочиться и не собираюсь продолжать в том же духе.

– Лукас, – я использую его настоящее имя, чтобы он понимал, насколько я серьезна. – Не знаю, вернусь ли я обратно. Просто так лучше.

– Нет, ты на два шага впереди, Мак, и это не твое место. Я лучше контролирую хаос, тебе лучше отступить и ждать, и именно об этом я тебе твержу.

Я позволяю его словам проникнуть внутрь. Он прав. Лукас никогда не руководил мной неправильно, а мы бывали в довольно фиговых местах на задании раньше. Он лучше контролирует хаос, чем я. Когда надвигается что-то посерьезнее, я теряю фокус. Если что я и уяснила на заданиях – всегда позволять людям выполнять свою работу, и выполнять свою собственную. Нас собирают, как команду, по какой-то причине. У каждого есть своя сила, поэтому позволь всем использовать ее, а в этом сила Лукаса.

– Что ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты скинула свой телефон, убралась из города и ждала.

– Потом что?

– Ты не слушаешь, Каспер? Я сказал тебе ждать, блять, – он выкрикивает слова той интонацией, которую я не слышала в свой адрес несколько лет.

– Да, сэр.

Он заметно расслабляется, когда понимает, что я последую его приказу.

– Мы не знаем, что они нашли, поэтом нужно ждать. Когда я выясню это, Скрайб найдет тебя.

– Мне не придется искать, я никогда ее не потеряю, – отвечает Скрайб, протягивая мне новый телефон. – Я так же собрал тебе сумку с «подарочками», – а затем он заключает меня в свои объятия, крепко сжимая.

– До сих пор не могу поверить, что ты решила, будто мы позволим тебе так просто свалить, Кас. Мы одно целое, семья, единственная, черт возьми, которая есть у меня. Я не могу пересчитать, сколько раз ты спасала мою долбанную жизнь. Никто из нас, кто был там с тобой, не сможет. Ты долгие годы прикрывала наши спины, позволь нам хоть раз отплатить тебе тем же, – произносит Дикарь, от чего комок в моем горле только увеличивается. Не думаю, что я слышала, чтобы Дикарь так много говорил за раз, с тех пор как вернулся в штаты.

– Ради всего святого, тебе лучше не плакаться нам, – говорит Скрайб к веселью всей компании.

– Спасибо вам, за все.

– Теперь ты просто бесишь меня, – рычит През. – Мы одна долбанная команда. Мы может больше не на поле сражения, но сейчас мы боремся на нашей собственной войне. Ты не должна никого благодарить в этой комнате за то, что они обязаны делать. И выбрось хреновые идеи об исчезновении без моего ведома. Я знаю о каждом твоём шаге до того, как ты решишь его сделать, поняла?

– Да, сэр, – отвечаю я, чувствуя, что, возможно, не потеряю все, что люблю.

Глава 8. Винсент.

Я вхожу в здание управления ФБР и сканирую свой пропуск. Сегодня мой выходной, поэтому на мне джинсы и футболка, но это не необычно для меня, чтобы переодеваться для чего-то неожиданного.

Когда мой телефон зазвонил утром, я не ждал новостей так скоро. Черт, я думал, что они никогда не найдут оружие. Но главное руководство решительно борется с местными мотоклубами, они ищут любой повод прижать «Пятерку Тузов». А сейчас у них появилась парочка таких, оба в больнице, и не похоже, что они в состоянии отвечать на хоть какие-то вопросы в ближайшее время, если вообще смогут.

Похоже, часть их везения испарилась. Безмозглых идиотов остановили для стандартной проверки документов, когда они пытались перевезти пушки в каком-то раздолбанном фургоне. Они попытались бежать. Погоня закончилась ими и пушками, раскиданными по шоссе. Гребанная неразбериха, но возможно я мог бы использовать в свою пользу этот беспорядок.

Когда позвонил глава баллистического отдела и сообщил, что под завязку завален оружием, скинутым в его лабораторию, я понял, о чем он говорил. Он звонил мне с просьбой о помощи, поскольку мы хорошие друзья, а в данный момент у него сокращен штат. Марк говорит, что ему всего лишь нужен кто-то, кто поможет ему протестировать оружие и просканирует его через поисковую систему. А конкретнее, он хочет, чтобы я помог ему выяснить замешано ли какое-то из конфискованного оружия в ходе рейда в убийствах.

Я спешно иду в его отдел и сканирую свой пропуск еще три раза, перед тем как войти в тест-комнату. Она хорошо звукоизолирована, учитывая количество орудия, которое они здесь используют довольно часто.

– Привет, Марк, как ты? – спрашиваю я и скидываю свой рюкзак на стол.

– Спасибо, что приехал, старик. Я ценю это. Давай начнем, чтобы я не задержал тебя здесь слишком надолго, – предлагает Марк и кивает головой на кучу оружия, которое нужно обработать.

– Без проблем. В любом случае у меня сейчас нет никакой возможности для их допроса, – мне повезло. – Стефани должно быть уже родила, – произношу я и начинаю осмотр оружия.

– Ага, на неделю раньше, но с ней все в порядке. Кажется, кто-то уже появился на время ее декретного отпуска, но никого не появится здесь до следующей недели.

– Не парься. Я рад, что смог прийти и помочь. Давай я займусь проверкой, а ты занимайся своими делами. Я недавно повредил колено во время пробежки, и думаю, что стоит побереечь его по возможности.

– А я продолжаю твердить тебе, что тренировки – зло. Однажды, ты послушаешься.

Я фальшиво смеюсь и выдвигаю стул из-за стола. Мои колени в полном порядке, но мне нужна возможность покопаться в оружии и выяснить, есть ли здесь пушка Макензи. Ее может и не быть, на что я надеюсь, но не могу упустить такой шанс.

Я начинаю со всего крупного оружия, и мы прорабатываем его вплоть до ручного, огнестрельного. Я ввожу в информацию о пистолете, передаю его Марку для выстрела и составляю список гильз для дальнейшего анализа.

У Марка занимает больше времени процесс стрельбы и поднятия гильз, чем у меня просканировать их, поэтому его приходится несколько раз ждать, чтобы перейти к меньшему орудии и его сортировке. Здесь пять пистолетов, и я откладываю в сторону те, которые знаю, она использовала на расстоянии. Вследствие, чего у меня остается еще два, и обе – винтовки дальнего действия, одна из которых может принадлежать Макензи.

Я ввожу информацию по одной, но ничего не высказывает. Но это не означает, что это не грязное оружие, это просто означает, что серийный номер на ней не показывает нам ничего. Я оглядываюсь через плечо и вижу, как Марк все еще работает над большими полуавтоматами. Проверяю вторую винтовку.

Задерживаю вдох, вводя информацию и жду. Оно зарегистрировано базой ВВС в Атланте, Джорджия, и мое сердце замирает.

– Эй, Касано, последний прилично зажат. Я собираюсь взять инструменты из наружных шкафчиков. Скоро вернусь.

Я поднимаю подбородок на его уход и воспринимаю это, как Божий знак. Хватаю рюкзак и достаю винтовку, которую принес с собой вместе с поддельными документами на нее. Я знал, что

этот день когда-то настанет, и уже подготовился. Это левая винтовка, конфискованная во время рейда, которым руководил я десять лет назад. Я подменяю винтовки, разбирая ту, что Макензи, и скидываю все в рюкзак, укладывая его на прежнее место до прихода Марка. Я благодарю Бога, что в этой части здания у них нет камер.

Удаляю всю информацию о поиске с компьютера прямо перед возвращением Марка. Я выставляю винтовку как ту, что нашли на месте происшествия. К счастью для меня, я был тем, кто заносил сведения об этой винтовке десять лет назад, поэтому могу зайти и сменить данные.

Я откидываюсь на спинку стула и разыгрываю невозмутимость следующие несколько часов, пока мы заканчиваем с оружием.

Когда я покидаю здание с рюкзаком на плече, то выдыхаю от облегчения. Я только что совершил самый грязный поступок, который только мог совершить агент, и ни секунды не колебался. В этом мире есть достаточно дерьма, и Макензи не имеет к этому отношения. Она не преступница. Она всего лишь жертва, совершившая собственное правосудие и я не могу сказать, что виню ее.

Достаю телефон и совершаю звонок, чтобы удостовериться, что парни из «Пятерки Тузов» еще не пришли в себя. Я выясняю, что один мертв, а второго еще оперируют. Я отправляю другого агента дожидаться новой информации.

Затем я отправляю сообщение Макензи, сообщая ей, что возвращаюсь к ней домой. Спустя секунду мой телефон возвращается с обратным сообщением, которое гласит «Недоступен». Подумав, что должно быть что-то случилось с ее телефоном, я набираю ее номер. Когда голос в трубке сообщает мне, что номер, который я пытаюсь набрать «не доступен или вне зоны действия сети», я сжимаю телефон так сильно, что чуть ли не разламываю его пополам.

Паркуюсь у ворот на въезде в клуб и ввожу код, который Макензи вводила сони раз. Железные ворота открываются, и я вдавливаю газ. Я лечу по подъездной дорожке и когда достигаю дома, то выкручиваю руль и ударяю по тормозам, вызывая визг покрышек по асфальту.

Все братья вылетают из дома на звук моего появления, а я выпрыгиваю из машины.

– Где, блять, она! – ору я, заглядывая за плечи двух братьев, за которыми стоит Лукас. Его руки скрещены на груди, а челюсть жестко напряжена. Он нихрена не собирается мне говорить. Эйб и Нокс стоят впереди со сжатыми кулаками, и они оба готовы к драке.

Замечательно.

Забираюсь под футболку и достаю жетоны Макензи. Сжимаю зубы и позволяю злости затопить себя.

– Видите это. Это кое-что значит для меня, как и для вас. А сейчас кто-то ответит мне, где, блять, она.

Парни оглядываются друг на друга с удивлением, но ни один не отрывает рот.

Я не часто выхожу из себя. Я обычно хладнокровный парень, потому что натренирован на это. Но прямо сейчас, моя девочка исчезла, и кому-то следует ответить куда именно.

Я бросаю взгляд на Эйба и делаю три шага к нему, оказываясь с ним нос-к-носу. Я выбираю здесь самого большого ублюдка, а затем вырву ему одну конечность за другой. Я чувствую, как Нокс скользит рядом со мной, но мне плевать. Пусть все подходят ко мне, я сожгу это чертово место дотла.

– Успокойся, Скрайб, – кричит Лукас, и Нокс отступает. Он не останавливает меня, но и не вмешивается. Полагаю, он не волнуется, что Эйб вяжется со мной в драку.

А стоило бы.

Эйб – здоровый мужик. На одной стороне его лица шрамы, отчего его кличка Дикарь становится более зловещей. Но ничего из этого не пугает меня, потому что у меня на кону стоит намного больше, чем у него. Я не стану держаться за дружбу, если не смогу найти Макензи, потому что потеряю душу.

Хватаю его за ворот, и он прищуривается.

– Ты говоришь мне, где она, или я начинаю с тебя, а затем займусь каждым из твоих братьев, пока не добьюсь хоть каких-то ответов.

Он одаривает меня дикой улыбкой, и это выбешивает меня. Он собирается потянуться, чтобы перехватить мои руки, но я застаю его в распloh, отстраняясь назад, и врезаюсь лбом в его переносицу, слыша характерный хруст.

– Блять! – орет он и пятится назад. Я все еще держу его за ворот, поэтому он недалеко уходит. Я отпускаю правую руку и выдаю апперкот ему по ребрам, и одновременно с этим ощущаю, как его кулак соприкасается с моим лицом. Я чувствую кровь во рту, но это только разжигает мою ярость, и я продолжаю.

Я бью хуком слева по его челюсти, а он в противовес – ударом по моему боку. Хватаю его за голову и сгибаю пополам, ударяя коленом в грудь. Это выбивает из него дух на секунду, и я заваливаю его на землю и забираюсь сверху. Он опускает парочку ударов на меня, пока мы боремся, но мне удается прижать его руки своими коленями и врезать ему по лицу еще несколько раз, перед тем как кто-то из братьев оттягивает меня с него.

Эйб вскакивает, как только освобождаются его руки, и прет на меня.

– Хватит, Дикарь, – орет Лукас и встает между нами. Нокс и один из парней удерживают меня, а я тяжело дышу, но все равно пытаюсь высвободиться.

На лице Эйба кровь, и Лукас в шоке оглядывается на него. Он переводит взгляд на меня, и я уверен, что выгляжу настолько же плохо.

– Ты первый человек, кто его избил, – сообщает Лукас, и я оглядываюсь на Эйба, стирающего кровь со своей губы, уставившись на нее так, будто никогда прежде не видел.

Лукас переводит взгляд между нами несколько раз, а затем встает передо мной.

– Если она отдала тебе свои жетоны, то это более чем очевидно, что ты что-то значишь для нее. И если ты смог избить Дикаря, то достоин защищать нашу девочку.

Он оглядывается на Эйба, и они мгновение молча переговариваются. Эйб кивает, и Лукас поворачивается к Ноксу.

– Где она, Скрайб?

Нокс дерзко ухмыляется ему.

– Тебе повезло. Она все еще на нашей земле, дожидается машину, которая, как мы планировали, увезет ее, пока все не наладится. Она в домике у озера.

Лукас переводит взгляд на меня.

– Ты позаботился об этом?

– Все кончено. Никто и никогда больше не придет за ней.

– Отпустите его, парни.

Я чувствую, как опускаются их руки, и прихожу в движение. Я начинаю бежать к своей машине, но меня останавливает голос Лукаса.

Я оборачиваюсь, и он бросает мне ключи.

– Возьми мой байк. Ты не спугнешь ее, если она услышит его. Она подумает, что это я.

Ловлю ключи и достаю рюкзак из машины. Я ухожу к его байку, забираюсь на него и понимаю, что это ничуть не хуже, чем получить нашивку, но все, о чем я могу думать прямо сейчас, – как добраться до своей девочки.

Срываюсь с места по пыльной дороге и уезжаю к дальней части собственности. Макензи возила меня туда однажды, несколько недель назад, чтобы показать все окрестности. Там есть парочка домиков, раскиданных по всей территории собственности, но тот дальний и самый уединенный. Это небольшой домик со всем необходимым и находится рядом с большим озером, площадью около полумили. Здесь есть небольшие лодки, которые можно взять для рыбалки, и в озере можно плавать, так что кто-то, вероятно, может остаться здесь навсегда, если захочет.

Дорога до места занимает некоторое время, даже несмотря на то, как я несусь. Когда я добираюсь до домика, я знаю, что она слышит звук мотоцикла Лукаса, потому что замечаю движение за окном. Спустя секунду, она входит на крыльцо, а я паркуюсь.

Я замечаю шок, написанный на ее лице, когда она понимает, что я приехал на байке вместо Лукаса.

– Значок, какого хрена ты делаешь на чоппере Преза?

Я спрыгиваю с байка, едва вспоминая о том, чтобы заглушить его и поставить подножку. Я несусь к ней и подхватываю, занося обратно в домик.

Я замечаю койку в углу и несу ее туда, сбрасываю вниз и забираюсь поверх, приковывая его руки под собой.

Она начинается бороться, и я рычу на нее.

– Потрудишься объяснить мне, какого черта ты здесь делаешь? Ты решила просто оборвать все связи и сбежать от меня? Как ты могла так поступить, Макензи? После всего, что я сказал тебе. Ты не доверишь мне?

Слезы затопляют ее глаза, но не проливаются. Моя девочка – крепкий орешек, но она понимает, как облажалась.

– Я не могу так поступить с тобой. Я должна уехать. Я не хочу, чтобы ты влезал во все это дерьмо и клуб тоже, и не хочу попасть в тюрьму.

– Ты считаешь, что я *когда-либо* позволил бы этому случиться? – кричу я.

– Ты не можешь всему помешать, Винсент. Ты не можешь исправить то, что я натворила, и у меня нет ни капли долбанного сожаления. Если они поймают меня, я признаюсь во всем. Этот ублюдок избивал меня, тушил сигареты об мою кожу, резал меня. Он убил мою мать. У него появилась новая жена и маленькая девочка. Когда я узнала об этом, то поняла, что должна остановить его. Он поступил бы с ними так же. И я чертовски уверена, что не позволю кому-то так же за это заплатить.

Она так злиться, пока рассказывает мне это, и мое сердце разбивается из-за маленькой девочки внутри нее, которая прошла через все это. Я хочу обнять этого маленького ребенка и сказать, что всегда буду защищать ее.

– Все кончено, Макензи.

– Ничего не кончится, пока я не исчезну. Они однажды найдут эту винтовку, а затем это ударит по тому, что я люблю. Включая тебя.

Ее слова поражают меня в самую душу.

– Ты не слушаешь меня, Каспер, – я использую ее прозвище, чтобы она поняла, что я серьезен. – Все кончено. Я позаботился об этом.

Растерянное выражение затопляет все ее лицо.

– Как?

– Ты думаешь, я бы позволил им забрать тебя у меня? Перед тем как проснуться каждое утро и нацепить этот значок, я нахожусь между твоих ног. Ты первое, что я вижу, первое, что я пробую, перед тем как выйти за дверь. Когда я возвращаюсь домой и снимаю этот значок, ты – последнее, к чему я прикасаюсь, последнее, что я пробую, и последнее, что я вижу, перед тем как закрыть глаза. Весь мой чертов мир начинается и заканчивается тобой, и этот проклятый значок всегда на втором месте. Никто и ничто не заберет тебя у меня никогда. Ты понимаешь?

Она кивает, и я наклоняюсь к ней ближе, чтобы ощутить ее дыхание на своих губах.

– Ты больше никогда не убежишь от меня. Ты слышишь? – она снова кивает. – Если соберешься снова сбежать, то лучше в мою, мать твою, сторону. Я единственный к кому ты бежишь, когда надвигается жопа. Понимаешь?

– Да, – шепчет она.

– Да, что?

– Да, Винсент, – произносит она немного громче, и я чувствую, как ее тело ерзает подо мной.

– Я нашел винтовку. Тебе больше не нужно волноваться, что тебя снова будут искать. Все кончено, ты свободна.

От звука моих слов она выдыхает, и я сминаю ее губы своими. Наш поцелуй – облегчение и страсть, и это разжигает все внутри меня. Макензи видимо тоже чувствует это, потому что ее ноги обнимают меня и сцепляются на моей талии. Я отпускаю ее руки, подхватываю под бедра, и ее руки обвиваются вокруг моей шеи.

Я чувствую привкус крови от моей разбитой губы в нашем поцелуе, и это подстегивает мою потребность в ней. Это напоминает мне о том, как близок я был к тому, чтобы потерять ее и как сильно нуждаюсь в ней. Я отстраняюсь, разрываю поцелуй и расстегиваю ремень. Макензи на той же волне, и я вижу, как она расстегивает собственный ремень и переворачивается на живот. Она сталкивает джинсы ровно под ягодицы и выставляет задницу в воздух, предоставляя мне лучший доступ. Я достаю свой твердый, недовольный член и устраиваю его напротив ее входа, чувствуя, как ее истекающая киска целует головку моего члена.

– Думала, что сбежишь от меня, а? Ты все еще истекаешь моей спермой после сегодняшнего утра. Может нужно добавить еще в качестве напоминания, кому ты принадлежишь, – стону я, толкаясь домой одним движением.

Мы оба все еще полностью одеты, и я жестко втрахиваю ее в койку. Ее лицо прижато к голому матрасу, и наклонившись над ней, я вцепляюсь в бока каркаса. Становится очень шумно, но мне плевать. Я надеюсь, что весь гребанный мир услышит, как жестко я трахаю ее. Потому что она – моя. Я клеймлю ее, как свою, и удостоверюсь, что все, кто окажется поблизости, будут знать об этом.

Пока трахаю ее все жестче и жестче, я слышу, как она кричит от экстаза. Я чувствую, как ее киска сжимает меня, и она вгибается подо мной, кончая сильно и быстро. Я чувствую, как ее вход стискивает мой член, и мои яйца подтягиваются, когда меня накрывает оргазмом. Я кончаю долго и глубоко внутри нее, и испускаю злобное рычание, когда разряжаюсь. Я был груб с ее телом, но нам обоим это было нужно.

Когда мы спускаемся с небес на землю, я нагибаюсь над ней еще больше, чтобы перевести дыхание. Я нежно целую ее в шею, и она тянется за моим прикосновением.

– Я люблю тебя, – шепчет она, и я улыбаюсь в ее кожу.

– Я тоже люблю тебя, Макензи, – произношу я и продолжаю покрывать нежными поцелуями ее шею и щеку.

Несколько минут спустя я поднимаюсь и сползаю с кровати, заправляя член и помогая ей подняться.

– Пойдем, – зову я, и она улыбается мне. В этой улыбке любовь и облегчение, и я чертовски счастлив, что вызываю ее.

Когда мы выходим из домика, я беру ее за руку и веду к байку Лукаса. Я забираю рюкзак с сидения, а затем тяну ее к озеру.

– Что ты делаешь, Значок? – спрашивает она, но я просто продолжаю вести ее за руку.

Мы идем туда, где привязаны небольшие лодки к причалу, и я помогаю ей забраться. Озеро большое, поэтому чтобы догрести до середины требуется время, но когда мы оказываемся там, я открываю рюкзак и достаю винтовку.

Она смотрит на нее широко–распахнутыми глазами и тянется к ней. Я протягиваю ее ей, и она молча рассматривает винтовку.

– Я просканировал ее, и выяснилось, что она принадлежит ВВС в Джорджии. Я видел, что ты находилась там последний раз, перед отставкой, и понял, что это она.

Я немного переживал, что забрал не ту, но судя по ее лицу, я понял, что не ошибся.

– Не знаю, почему хранила ее. Думаю, что, возможно, это было напоминанием, на что способны люди, – она поднимает на меня глаза с болью глубоко в них. – На что были способны он и я, – она качает головой и опускает взгляд обратно на винтовку. – Я приняла правильное решение. Я всего лишь сожалею, что не сделала этого раньше.

Я протягиваю руку и кладу ладонь поверх ее рук, все еще держащих винтовку.

– Ты поступила правильно, и я бы поступил так же. У тебя не было возможности спасти свою мать. Но ты спасла его новую жену и ту маленькую девочку от жизни в аду. Ты сможешь спокойно умереть, зная, что той маленькой девочке не достанутся твои шрамы.

Она кивает и поднимает глаза на меня. Я отпускаю винтовку, и она выбрасывает ее за борт.

Я возвращаю нашу лодку к причалу, и мы уходим обратно к домику. Когда мы добираемся до байка, она недоуменно смотрит на меня.

– Как, черт возьми, у тебя оказался байк Презы? И только не говори, что ты угнал его.

– Неа, всего лишь надрал задницу Дикарю.

– Ты что сделал? – кричит она, и я смеюсь, притягивая ее к себе для поцелуя.

Конец первой книги...